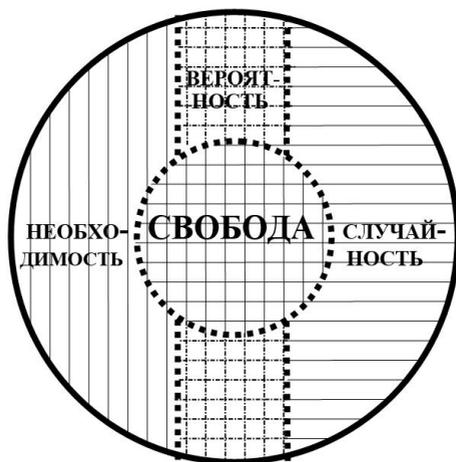

Из цикла “Философские беседы”

Л. Е. БАЛАШОВ

ЛИБЕРАЛИЗМ И СВОБОДА

МОСКВА • 2019

ББК 87.817
Б 20

О цикле “Философские беседы”

Цикл задуман автором как своеобразная библиотечка философской литературы по широкому кругу проблем. Он рассчитан на читателя, которому интересно философствование само по себе. Таким читателем может быть и философ-профессионал, и деятель науки, культуры, и учащийся, студент, аспирант.

Книги цикла относятся к разряду развивающей литературы и могут служить учебными пособиями для пополнения знаний по философии.

Балашов Л. Е.

Либерализм и свобода. — 2-е издание, расширенное. — М., 2021. — 89 с.

В брошюре с самых широких философских позиций рассматриваются понятия “либерализм” и “свобода”. Автор считает, что понятие либерализма нужно очистить от наслоений, порожденных ограниченными мнениями о свободе и мнениями, не относящимися собственно к либерализму как идеологии свободного человека.

Тот, кто ругает либерализм, либо не дает себе труда разобраться в значении термина, либо — противник человеческой свободы. Отношение к либерализму — лакмусовая бумага прогрессивности или реакционности воззрений того или иного политического деятеля.

Отзывы и предложения направлять по адресу:

lev_balashov@mail.ru

ISBN

© Балашов Л.Е., 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛИБЕРАЛИЗМ.....	4
СВОБОДА.....	8
Противоположные взгляды на свободу.....	9
О так называемом парадоксе свободы.....	20
Свобода как возможность выбора.....	25
Способность выбора.....	28
Формула свободы.....	34
Зависимость и независимость.....	38
Критика чисто юридического понимания свободы.....	39
Свобода по-американски.....	42
Свободомыслие и атеизм.....	44
Псевдолиберализм (ультралиберализм и недолиберализм).....	47
Ультралиберализм. Абсолютизации свободы и связанные с этим злоупотребления.....	47
1. Либерализм и его отношение к вопросу о легализации наркотиков.....	47
2. О принципе "всё попробовать".....	50
3. О свободе вероисповедания.....	51
4. Свобода слова и оскорбление чувств верующих.....	51
5. Гомосексуализм и свобода.....	55
6. Ультралибералы и антилибералы.....	59
7. Самообман и спекуляции по поводу прав человека.....	63
8. Скрытый имморализм в разговорах о правах человека.....	71
9. О так называемом «праве на смерть».....	71
10. Свобода без всяких «но»? Дискуссия в романе В. Я. Шишкова «Угрюм-река».....	74
ИЗ ПЕРЕПИСКИ.....	76
Обсуждение темы "Критика чисто юридического понимания свободы".....	76
О демократии в России.....	78
О фразе Чака Паланика "Лишь утратив все до конца, мы обретаем свободу".....	83
О конституции и свободе. Из комментариев в интернете.....	85
Не надо хаять либерализм как таковой. Из комментариев в интернете.....	87
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.....	88

ЛИБЕРАЛИЗМ

1. В последние века идея прогресса в деле свободы как *политическая* идея стала знаменем мощного течения общественной мысли — *либерализма*. Последний можно охарактеризовать как духовное течение, провозглашающее свободу высшей ценностью жизни, а движение к большей свободе — насущной задачей государственных и иных институтов.

2. Либерализм нельзя связывать ни с мягкотелостью-бесхарактерностью, ни с попустительством-вседозволенностью. В самоназвании либерализма нет ничего, что указывало бы на эти человеческие качества и действия. Свобода, как будет показано ниже, отнюдь не исключает твердости характера и ответственного поведения. Напротив, она предполагает их.

3. Тот, кто ругает либерализм, либо не дает себе труда разобраться в значении термина, либо — противник человеческой свободы. Отношение к либерализму — лакмусовая бумага прогрессивности или реакционности воззрений того или иного политического деятеля.

4. Либерализм предполагает развитое и дифференцированное представление о свободе. Каждой сфере деятельности соответствует определенный вид свободы:

свободомыслие или свобода мышления

свобода убеждений

свобода совести

— свобода вероисповедания

свобода воли

социальная свобода

политическая свобода

— свобода слова, информации

— свобода собраний

— свобода объединений

— свобода передвижения

— свобода местожительства

экономическая свобода

— свобода предпринимательства

— свобода собственности

— свобода торговли

— свобода конкуренции

- творческая свобода
- художественная свобода
- свобода научного творчества, исследования
- философская свобода
- свобода любви
- сексуальная свобода.

Из этого далеко не полного перечня свобод можно видеть, что либерализм не является сугубо политическим движением. Он — движение всех тех, кто стремится к большей свободе.

Конечно, не все виды свободы охватываются понятием либерализма. Либерализм касается прежде всего и главным образом *межчеловеческих* отношений, жизни человека *в обществе, среди людей*. Но он положительно относится ко всем другим свободам, выходящим за рамки чисто межчеловеческих отношений (технических свобод или свобод по отношению к природным объектам: свободы полета, свободы выхода в космос и т.д.). Кроме того, есть такие виды свободы, которые предполагают не только свободу межчеловеческих отношений, но и вообще свободу человека (по отношению к природе, миру). Возьмем, например, свободу передвижения. Ее компонентами может быть и политическая возможность передвижения, и экономическая, и техническая возможности передвижения. Экономическая и техническая возможности передвижения зависят не столько от межчеловеческих отношений, сколько от уровня технического развития средств передвижения и от общего уровня благосостояния людей. Из указанных к собственно либерализму относится лишь политическая составляющая свободы передвижения. Однако, либерализму не безразличны и другие составляющие этой свободы, поскольку политическая свобода передвижения — пустой звук, если отсутствуют экономическая и техническая возможности передвижения. Вообще либерализму небезразличен научно-технический, материальный прогресс, расширяющий пределы материальной, творческой свободы и тем самым служащий основой расширения свободы межчеловеческих отношений.

5. В марксистской философии либерализм как течение общественной мысли однозначно связывался с классом буржуазии. В Философском энциклопедическом словаре (М., 1983) читаем: “Либерализм, идейно-политическое движение, объ-

единяющее сторонников буржуазно-парламентского строя и буржуазных “свобод” в экономич., политич. и др. сферах”. Такое понимание либерализма по крайней мере дважды ошибочно. Во-первых, из-за весьма упрощенной модели социальной стратификации, выражающейся в теории классов, в частности, теории деления общества на класс буржуазии и класс пролетариата. Эта теория “укладывает” либерализм и иные общественно-политические движения в прокрустово ложе одного “класса”. Во-вторых, в самоназвании либерализма нет ничего специфически буржуазного. Можно говорить об ограниченности какого-либо вида либерализма, но оценивать весь либерализм как буржуазный — грубая логическая ошибка.

6. Либерализм нельзя также изображать как “убеждение, стремящееся избавиться от традиций, обычаев, догм и т.д.” (см. Краткую философскую энциклопедию. М., 1994. С. 241).

Во-первых, либерализм не является негативным течением, которое только и стремится от чего-либо избавиться.

Во-вторых, нельзя традиции, обычаи, умственные стереотипы огульно зачислять в разряд того, от чего должен избавиться свободный человек. Сами по себе обычаи, традиции, стереотипы мышления и поведения как формы регулирования человеческих отношений, ни плохи, ни хороши. Более того, они занимают важное место в этом регулировании. Речь может идти лишь о *некоторых* обычаях, традициях, стереотипах, а именно о тех, которые устарели и мешают человеку в его движении к большей свободе. Либералу не к лицу отказываться от старого потому только, что оно старое, и поддерживать новое потому, что оно новое.

7. В своем естественном виде, по самоназванию, изначально либерализм вполне согласуется с *гуманизмом*. Более того, либерализм и гуманизм *соразмерны* друг другу. Не может быть либерализма без гуманизма, а гуманизма без либерализма. Гуманизм — это либерализм, взятый в аспекте человечности, либерализм — это гуманизм, взятый в аспекте свободы. Если называющий себя либералом выступает с негуманных или антигуманных позиций, то это не либерал в подлинном смысле. Если называющий себя гуманистом ругает либерализм, то он либо не понимает сути либерализма, либо не является по-настоящему гуманистом.

В самом деле, для либерала свобода — высшая ценность. И он уважает ее не только в себе и для себя, но и в других и для других. Если, допустим, человек признает свободу лишь для себя или для немногих, то этим он фактически отрицает её, поскольку свобода “в себе и для себя” носит весьма ограниченный (частный, не всеобщий) характер. Быть свободным среди рабов, в окружении рабов — нонсенс. Один умный человек сказал: «Если Вы наденете цепь на шею раба, другой ее конец захлестнет Вашу собственную». Давно подмечено, что тюремщик, охраняющий заключенного, во многом тот же заключенный. По-настоящему свободным можно быть только среди свободных. Поэтому истинный либерал ценит не только свою свободу, но и свободу других. Следовательно, он по определению человечен, гуманен.

Либералу, безусловно, близка формула, которую вывел в свое время Т. Гоббс: *“человек должен... довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, которую он допустил бы у других людей по отношению к себе”*¹. Эта формула — парафраз золотого правила поведения, и она прекрасно иллюстрирует связь свободы с человечностью, либерализма с гуманизмом.

Либералу не чужд и другой парафраз золотого правила: *“Не нарушая чужих прав, ты охраняешь собственные”*². Этому правилу следуют старатели на Амазонке. В их среде практически отсутствует воровство.

8. В либералы порой записывались те, кто по сути был *недолибералом*, кто весьма ограниченно представлял свободу (как независимость от обычаев, традиций, как индивидуальную свободу). Эти *недолибералы* породили мнение, что либерал — законченный индивидуалист, стремящийся к замкнутости, самоизоляции³. Что можно здесь сказать? Безусловно, это мнение ошибочно. Свобода по самой своей сути открыта, ничего общего не имеет с замкнутостью и изоляционизмом. Свободное общество — открытое общество. Свободный чело-

¹ Гоббс Т. Соч. в 2-х томах. Т. 2. М., 1991. С. 99.

² Из фильма Жака Ив Кусто 1984 г. о золотых приисках в бассейне Амазонки.

³ Такое мнение отражено в статье из интернета (см. ниже, с. 34. Либерализм и его отношение к вопросу о легализации наркотиков).

век — открытый человек (для общения, взаимодействия, сотрудничества с другими). Трудно представить либерально настроенного человека таким бирюком, мизантропом, сторонящимся других людей или живущим по принципу “моя хата с краю, ничего не знаю”.

В споре индивидуализма с коллективизмом либерализм занимает позицию третейского судьи. Он выступает как против крайнего коллективизма, ущемляющего индивидуальную свободу человека, так и против крайнего индивидуализма, игнорирующего или ущемляющего свободу других (всеобщую свободу).

9. Особенность либерализма как общественного явления состоит в том, что он выступает не просто за свободу и не просто за свободу всех, а за большую свободу, за *прогресс* в деле свободы. Поэтому в конкретной ситуации либерализм может вызывать неприятие и даже отторжение со стороны консерваторов, всех тех, кто боится свободы, большей самостоятельности и независимости.

Поскольку прогресс в деле свободы предполагает изменения, либерал изначально, по определению настроен на реформирование, преобразование общества, порядков в сторону большей свободы.

Либерал может быть и консерватором, если на завоеванные свободы, на достигнутый уровень свободы покушаются, добиваются изменений не в пользу, а во вред свободе. Либерал не только провозвестник, делатель свободы, но и ее защитник, хранитель. Как провозвестник, делатель свободы он — прогрессист, реформатор и даже революционер. Как хранитель, защитник свободы он — консерватор.

10. Поскольку в основе идеологии либерализма лежит понятие свободы, именно от трактовки этого понятия в значительной степени зависит понимание сути либерализма.

СВОБОДА

С нашей точки зрения свобода есть категория возможности, представляющая собой органическое единство (взаимо-

опосредствование) случайности и необходимости. — См. диаграмму категории “возможность” на лицевой странице обложки.

Если случайность определяет многообразие возможностей, а необходимость — их единообразие, то свобода есть единство возможностей в их многообразии или многообразии возможностей в их единстве.

Противоположные взгляды на свободу

В истории философии можно наблюдать две взаимоисключающие точки зрения на понятие свободы.

Одни философы (например, Спиноза, Гольбах, Кант, Шеллинг, Гегель) сближают понятие свободы с понятием необходимости; они либо отрицают наличие в свободе элемента случайности, либо преуменьшают его значение. Вот как характеризовал свободу Б. Спиноза: «Свободой называется такая вещь, которая существует по одной только необходимости собственной природы и определяется к действию только сама собой...» От Спинозы исходит знаменитая формула: «Свобода есть познание необходимости» (у него она звучит так: свобода есть познание «с некоторой вечной необходимостью себя самого, Бога и вещи» [Этика, Т. 42]). Гегель по-своему осмыслил эту формулу. Потом в марксизме она была основной в определении понятия свободы.

Свое крайнее выражение такая точка зрения получила у Гольбаха. "Для человека, — писал он, — свобода есть не что иное, как заключенная в нем самом необходимость"¹. Более того, Гольбах считал, что человек не может быть в подлинном смысле свободен, так как он подчинен действию законов и, следовательно, находится во власти неумолимой необходимости. Чувство свободы, писал он, — это "иллюзия, которую можно сравнить с иллюзией мухи из басни, вообразившей, сидя на дышле тяжелой повозки, что она управляет движением мировой машины, на самом же деле именно эта машина вовлекает в круг своего движения человека без его ведома"².

¹ Гольбах. Избранные произведения в 2-х т.т. Т. 1, 1963. С. 237.

² Гольбах. Система природы. М., 1940. С. 105.

Кант в «Критике чистого разума» выдвинул антиномию: есть свобода в человеке, нет никакой свободы. В мире явлений, по Канту, господствует необходимость, в мире вещей самих по себе человек свободен. Но что такое, по Канту, свобода? — задает вопрос А.А.Гулыга. И отвечает по-кантовски: «Это следование нравственному долгу, то есть опять-таки подчинение человека необходимости. Задача состоит в том, чтобы выбрать правильную необходимость»¹. В книге, посвященной Канту, А.А.Гулыга следующим образом объясняет его позицию: «Свобода с точки зрения этики не произвол. Не просто логическая конструкция, при которой из данной причины могут на равных правах проистекать различные действия. Хочу — поступлю так, а хочу — совсем наоборот. Нравственная свобода личности состоит в осознании и выполнении долга. Перед самим собой и другими людьми «свободная воля и воля, подчиненная нравственным законам, — это одно и то же»»².

Учение Канта о свободе не так однозначно, как это представлено у Гулыги. Размышляя о природе свободы, Кант должен был так или иначе рассматривать ее в координатах необходимости и случайности. Свобода, утверждал он, «есть, собственно, способность подчинять все произвольные действия побудительным основаниям разума», поскольку она выступает как своего рода «третье» между природой (необходимостью) и случаем. См.: *Reflexionen Kants zur Kritik der reinen Vernunft. Aus Kants handschriftlichen Aufzeichnungen Leipzig. 1884.* — Цит. по: История диалектики. Немецкая классическая диалектика. М.: Наука, 1978. С. 61. (А. С. Богомолов).

Позиция Шеллинга во многом похожа на позицию Канта. «Человек зол или добр, — пишет А.А.Гулыга, излагая позицию Шеллинга, — не случайно, его свободная воля predetermined. Иуда предал Христа добровольно, но он не мог поступить иначе. Человек ведет себя в соответствии со своим характером, а характер не выбирают. От судьбы не уйдешь! Учение о свободе выбора Шеллинг называет «чумой для мо-

¹ См.: Гулыга А. Шеллинг. М., 1984. С. 182.

² Гулыга А. Кант. М., 1977. С. 162.

рали»¹. Мораль не может покоиться на таком шатком основании, как личное хотение или решение. Основа морали — осознание неизбежности определенного поведения. «На том стою и не могу иначе». В словах Лютера, осознавшего себя носителем судьбы, образец морального сознания. Истинная свобода состоит в согласии с необходимостью. Свобода и необходимость существуют одна в другой»². В другом месте А.А.Гулыга так излагает позицию Шеллинга: «Процесс творения — самоограничение бога. («В уменьше себя ограничить проявляется мастер», — цитирует Шеллинг Гете) Происходит это по свободной воле бога. Значит ли это, что мир возник случайно? Нет, не значит: абсолютная свобода представляет собой абсолютную необходимость, ни о каком выборе при свободном волеизъявлении речи быть не может. Проблема выбора встает там, где имеет место сомнение, где воля не прояснена, а следовательно, не свободна. Кто знает, что ему нужно, действует, не выбирая»³.

В «Системе трансцендентального идеализма» Шеллинг, рассуждая о движении общества к всемирно-гражданскому устройству, говорил о взаимопереплетении свободной дея-

¹ Интересно, что примерно в то же историческое время прямо противоположную позицию занял французский драматург Бомарше: «Всякая вера в фатальность унижает человека, отнимает у него свободу, без которой его действия совершенно лишены нравственности». — Л. Зонина пишет во вступительной статье к драматическим произведениям и мемуарам Бомарше. «Эта мысль для Бомарше — важнейшая. Он неоднократно будет к ней возвращаться. Сущность человека не в том, что ему предопределено, не в том, к какому словию он принадлежит по рождению, — судьба человека зависит от него самого, от его ума и характера. Об этом напомним Фигаро в своем знаменитом монологе, противопоставляя судьбе графа, который дал «себе труд родиться, только и всего», свою собственную жизнь, потребовавшую от него «такой находчивости, какой в течение века не потребовалось для управления Испанией». — См.: Бомарше. Драматические произведения. Мемуары. Жизнь и похождения Пьера Огюстена Карона де Бомарше. М., 1971. Вариант перевода высказывания Бомарше: «Всякая фатальность унижает человека, поскольку лишает его действия свободы, без которой они безнравственны».

² Гулыга А. Шеллинг. М., 1984. С. 182.

³ Гулыга А. Шеллинг. М., 1984. С. 190.

тельности людей с исторической необходимостью (как потом говорили и Гегель, и К.Маркс с Ф. Энгельсом): «Человек хотя и свободен в отношении непосредственно своих поступков, но итог, к которому они приводят в пределах обозримости, зависит от необходимости, стоящей над действующим и соучаствующей даже в развертывании самой его свободы».

А. Гулыга комментирует: «Мы действуем совершенно свободно, с полным сознанием, но в результате в форме бессознательного возникает нечто такое, чего в помыслах наших никогда не было. Гегель назовет подобную комбинацию «хитростью разума»»¹.

В книге «О методе университетского образования» Шеллинг говорит о значении необходимости в истории: «В истории, как и в драме, события вытекают с необходимостью из предыдущего и постигаются не эмпирически, а благодаря высшему порядку вещей. Эмпирические причины удовлетворяют рассудок, для разума же история существует только тогда, когда в ней проявляются инструменты и средства высшей необходимости». Он утверждал также, что в совершенном государстве необходимость сливается со свободой.

А вот мнение Гегеля о свободе и необходимости:

«...но истинное, дух — конкретен, и его определениями являются и свобода, и необходимость. Таким образом, высшее понимание состоит в том, что дух свободен в своей необходимости и лишь в ней находит свою свободу, равно как и, обратно, его необходимость зиждется лишь на его свободе. Только здесь нам труднее полагать единство, чем в предметах природы. Но свобода может быть также абстрактной свободой без необходимости; эта ложная свобода есть произвол, и она есть именно поэтому противоположность себе самой, бессознательная связанность, пустое мнение о свободе, формальная свобода»².

Другие философы, напротив, противопоставляют понятие свободы понятию необходимости и тем самым сближают его с понятием случайности, произвола.

¹ Там же. С. 90.

² Гегель. Лекции по истории философии. Книга первая. СПб., 1993. С. 90.

Американский философ Герберт Дж. Мюллер пишет, например: "Говоря просто, человек свободен постольку, поскольку он может по собственному желанию браться за дело или отказываться от него, принимать собственные решения, отвечать "да" или "нет" на любой вопрос или приказ и, руководствуясь собственным разумением, определять понятия долга и достойной цели. Он не свободен постольку, поскольку он лишен возможности следовать своим склонностям, а в силу прямого принуждения или из боязни последствий обязан поступать вопреки собственным желаниям, причем не играет роли, идут эти желания ему на пользу или во вред"¹.

Сравни. у Ж.-П. Сартра: «Я утратил свободу, я больше не властен делать то, что хочу» (Ж.-П. Сартр. Роман «Тошнота», Вторник, 3 января).

Подобное понимание свободы (по принципу "что хочу, то и делаю") мы находим и в немецком философском словаре², и в "Краткой философской энциклопедии":

"Свобода — возможность поступать так, как хочется".

— Это скорее определение не свободы, а своеволия. Тацит по этому поводу хлестко сказал: "Лишь глупцы называют своеволие свободой". Ср. Хейз: "Возможность делать все, что нам угодно — не вольность и не свобода, скорее это оскорбительное злоупотребление истинной свободой" (См.: Афоризмы. (По иностр. источникам. М., 1966. С. 61).

К сожалению, понимание свободы как возможности поступать так, как хочется, продолжает жить в умах определенной части интеллигенции.

Вот два примера:

1. Ныне модный театральный режиссер Константин Богомолов в оправдание своей экстравагантной, скандально-эпатирующей постановки пьесы Оскара Уайльда «Идеальный муж» на сцене МХТ им. А.П.Чехова заявил в интервью телеканалу «Дождь», что он действовал как свободный человек, которого никто и ничто не сдерживает:

«Богомолов: Думаю, что подобная степень свободы, с одной стороны, эстетической, с другой стороны, политической, на сцене

¹ Мюллер Г. Дж. О свободе. — Журн. "Америка", № 89. С. 24.

² См.: Философский словарь (Г. Шмидт. Штутгарт, 1957). Пер. с нем., М., 1961. С. 523.

главного театра страны, — а здесь ведь очень важна магия места, Московский художественный театр — это не подвальный театр и не провинциальный, это главная сцена — это событийно. Потому что некие радикальные вещи происходят на главной сцене страны. **Я полагаю, что каждый свободен ровно настолько, насколько он себе позволяет быть свободным. Некая цензура отступает перед ощущением спокойствия, уверенности, твоего права делать то, что ты хочешь** (выделено мной — Л.Б.). Главное — не бояться.

Писпанен: И то, что цензор в голове...

Богомолов: Это только в голове. Если ты не боишься, не выделяешь фермента страха, как при испуге собак, они чувствуют уверенность человека. Точно так же и внешние цензоры чувствуют твою уверенность и отступают перед ней. Есть забавный странный эффект, который я наблюдаю периодически: когда ты что-то чрезмерное себе позволяешь, люди недоумевают, мол, видимо ему разрешили, иначе невозможно. Этим надо просто пользоваться».

Обращает на себя внимание последняя фраза: «Этим надо просто пользоваться». — Я бы сказал: довольно-таки циничное заявление.

И еще: обращает на себя внимание отсутствие морально-нравственной оценки. К.Богомолов говорит только об эстетической и политической составляющих свободы. Во имя ложно понятой художественности побоку мораль, побоку моральная щепетильность, совесть.

2. Актер Олег Басилашвили, отвечая на вопросы Радио Свобода, заявил по поводу поведения Андрея Макаревича:

«← Мной движет не корпоративный интерес, хотя Андрей Макаревич, как и я — "работник культуры", грубо говоря. В российской Конституции есть строка, в которой говорится: наша страна — свободная. Значит, гражданин, артист имеет право делать все, что он хочет». (25.08.2014 г. <http://supermnenie.mirtesen.ru/blog/43308667994/Basilashvili-%22Makarevich-ne-v-logove-Gitlera%22>).

Такое умонастроение характерно для определенной части нынешней художественной интеллигенции. Если свобода — право делать, что ты хочешь, то какие могут быть ссылки на «надо и нельзя», т.е. какие могут быть моральные ограничения, угрызания совести?! Аргумент художественности (художественной свободы) стал фактически единственным основанием для театральной постановки, стал использоваться в качестве индульгенции для показа и оправдания всякой мерзости.

Отсюда имморализм, потеря нравственных ориентиров.

Гегель, имея в виду такое понимание свободы, справедливо заметил: "Когда мы слышим, что свобода состоит в возможности делать все, чего хотят, мы можем признать такое представление полным отсутствием культуры мысли"¹.

А вот остроумное замечание из сборника тюремных афоризмов: делай, что хочешь, но так, чтобы не лишиться этой возможности в будущем.

Еще в античную эпоху появились эти взаимоисключающие точки зрения на свободу. Киники понимали свободу как возможность поступать так, как хочется. Стоики — как познательную необходимость. Об этом пишет А. Н. Чанышев:

«За «тремя слонами» кинизма скрывалась самая высшая их ценность — свобода. Киники больше всего в жизни ценили свободу. Ради нее они и терпели голод и холод. Свобода и независимость любой ценой! Такова богиня киников.

Свобода, как известно, имеет две ипостаси: «свобода от...» и «свобода для...». У киников преобладала первая ипостась. Они не созидали. Они разрушали. Они не преобразовывали мир и общество. Они по-своему приспособлялись к нему. Когда, умирая, Диоген Синопский на вопрос своего хозяина Ксениада, как его похоронить, ответил: «Лицом вниз» — и объяснил это свое странное желание тем, что «скоро нижнее станет верхним» (VI, 32)², то он вряд ли имел в виду грядущую социальную революцию. Диоген Лаэртский объясняет, что Диоген имел в виду: «Македония уже набирала силы и из слабой становилась мощной» (VI, 32). Но ведь известно, что Диоген умер в один год с Александром, когда Македония уже набрала силы и поработила Грецию и еще полмира. Так что возможно, что Диоген, который всю жизнь переоценивал ценности, сперва материальные, а затем духовные, уже не мог остановиться и хотел даже в могилу уйти перевернутым.

Если можно говорить о позитивной свободе у киников, то это исключительно свобода речи (паррэсия), которая принимала у них

¹ Гегель. Соч. Т. 1. С. 44. В другом месте Гегель, критикуя кантовский тезис о том, что свобода каждого человека должна быть ограничена не далее тех пределов, которые необходимы для обеспечения равной степени свободы для всех, писал, что в таком случае "свобода понимается только как случайная прихоть и произвол" (См.: Гегель. Энцикл. филос. наук. Т. 3, М., 1977. С. 353-354 [§ 539]). См. также ниже, стр. 10.

² См.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 223.

форму свободы говорить дерзости самим царям. Но не только царям. Свободную речь Диогена Синопского, философа-обличителя, речь, «полную серьезного смысла и угроз», мало кто мог вынести (Анткин, 134). Этим Диоген Синопский был противоположностью Антисфена Афинского, который «сладостью своей речи мог приворожить кого угодно» (VI, 14). Негативная свобода стоиков хорошо видна из слов жившего много позднее римского стоика Эпиктета, который был знаком с сочинениями Антисфена и который рассказывал о том, чему он из них научился: «Он (Антисфен. — А. Ч.) научил меня тому, что является моим и что мне не принадлежит. Богатства не мои, родственники, близкие, друзья, слова, привычные ценности, общение с людьми — все это чужое. — Что же принадлежит тебе? — Мои представления. Они, — учил он, — никому не подвластны, зависят только от меня, и никто не может не им помешать, никто не заставит пользоваться ими иначе, чем я хочу» (Анткин, 112).»¹

Киник Антисфен не случайно употребил это слово «хочу». Оно является ключевым в случайностной трактовке свободы. Когда делается упор на «хочу» и игнорируется «надо», тогда и возникает крен в сторону своеволия, каприза, прихоти, произвола.

О стойках А.Н.Чанышев пишет: «**Стойки поняли свободу порабски. Это они пустили нелепую идейку о свободе как познанной необходимости.** (Выделено мной — Л. Б.). Стоический мудрец пассивен, он примиряется со всем происходящим, теша себя иллюзией, что в целом все хорошо и прекрасно, и все, что происходит, происходит по промыслу вселенского бога-разума.

Но понять такое могут только мудрецы. Поэтому только они свободны. Все остальные, независимо от своего социального положения, рабы.

Выше мы отметили, что отрешенность стоиков не абсолютна, что их автаркия не исключает койнонии — общения и связи между людьми. Стоики не отрицали ни семьи, ни государства, ни самого общества, которое они, в отличие от атомистов-индивидуалистов, считали первичным в качестве естественной целостности.

Итак, основной пафос стоического мировоззрения — пафос единства. Едины люди, едины все живые существа, едина природа, едины природа, душа и бог. Высшая цель людей — преодолеть все то, что их разъединяет: этнические, расовые, социальные и государственные барьеры, — и слиться в космическое братство, образовав всемирную органическую целостность греков и не-греков, людей и богов (инопланетян).

«Действительно, вызывающая общее удивление государственная система основателя стоической школы Зенона сво-

¹ Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М., 1991. С. 106-107.

дится к единственному положению — чтобы мы жили не особыми городами и общинами, управляемыми различными уставами, а считали бы всех людей своими земляками и согражданами, так чтобы у нас была общая жизнь и единый распорядок, как у стада, пасущегося на общем пастбище» (Плутарх. О судьбе и доблести Александра. Речь первая, 6).

Таким образом, Зенон-стоик в еще большей мере, чем это было на самом деле, отверг полисную социально-политическую систему классической Греции, которая как раз и жила «особыми городами и общинами, управляемыми различными уставами» (и эта жизнь продолжалась и в эллинистические времена, только греческие города утратили суверенитет, жили же они все равно обособленно и по своим законам и обычаям, плюралистическое разнообразие сохранилось), и продолжил линию кинического космополитизма.

«Зенон представил это в своих писаниях как мечту, как образ философского благозакония и государственного устройства, а Александр претворил слова в дело. (...) Видя в себе поставленного богами всеобщего устроителя и примирителя, он применял силу оружия к тем, на кого не удавалось воздействовать словом, и сводил воедино различные племена, смешивая, как бы в некоем сосуде дружбы, жизненные уклады, обычаи, брачные отношения и заставляя всех считать родиной вселенную, крепостью — лагерь, единоплеменными — добрых, иноплеменными — злых; различать между греком и варваром не по щиту, мечу, одежде, а видеть признак грека в доблести и признак варвара — в порочности; считать общими одежду, стол, брачные обычаи, все получившее смешение в крови и потомстве» (Плутарх. О судьбе и доблести Александра. Речь первая, 6) (63)»¹.

Любопытна связь идеи свободы как познанной необходимости с идеей единства, «общей жизни и единого распорядка». А. Н. Чанышев совершенно справедливо связал эти идеи стоиков. Вспомним, у Спинозы тоже указанные идеи были рядом (идея субстанции, единства природы и мира и идея свободы как познанной необходимости; сюда можно еще присовокупить отрицание голландским философом реального существования случайности). И в марксизме мы наблюдаем ту же картину: как в отношении свободы, так и в отношении единства. Там, где свобода понимается как познанная необходимость, неизбежно гипертрофированное стремление к единству-унификации, «общей жизни и единому распорядку». И наоборот.

У Иосифа Флавия в «Иудейских древностях» (последняя треть I в. н. э.) есть весьма интересный фрагмент, в котором

¹ Там же. С. 140-141.

он рассказывает о разном отношении иудаистских сект к вопросу о роли предопределения и случая в жизни человека. Вот что он пишет:

«...существовало среди евреев три секты, которые отличались различным друг от друга мировоззрением. Одна из этих сект называлась фарисейскою, другая саддукейскою, третья ессеюскою. Фарисеи утверждали, что кое-что, хотя далеко и не все, совершается по предопределению, иное же само по себе может случиться. Секта ессеев учит, что во всем проявляется мощь предопределения и что все, постигающее людей, не может случиться без и помимо этого предопределения. Саддукеи, наконец, совершенно устраняют все учение о предопределении, признавая его полную несостоятельность, отрицая его существование и нисколько не связывая с ним результаты человеческой деятельности. При этом они говорят, что все лежит в наших собственных руках, так что мы сами являемся ответственными за наше благополучие, равно как сами вызываем на себя несчастья своею нерешимостью» (Флавий Иосиф. Иудейские древности. СПб., 1900. С. 25-26).

Этот фрагмент свидетельствует о том, что уже древние довольно-таки четко и во всей полноте представляли себе проблему соотношения необходимости, случайности и свободы.

Очень непросто, конечно, осознать присутствие в свободе обоих моментов: случайности и необходимости. Рассудочная мысль бьется в тисках "или". В марксистской философии не смотря на то, что все считали себя диалектиками, существовала какая-то *случайнобоязнь* при оценке и характеристике свободы. Вот что писал, например, И.В. Бычко:

““Существование случайности..., — утверждает один из ведущих представителей американского натурализма К. Ламонт, — порождает свободу выбора, хотя и не гарантирует, что она действительно осуществится" (С. Lamont. Freedom of Choice Affirmed. N.Y. 1967, p. 62). Отождествив (или по крайней мере чрезмерно сблизив) свободу со случайностью, Ламонт на этом основании — совершенно в духе материализма XVIII в. — противопоставляет свободу детерминизму”¹.

Приведенная цитата из сочинения К. Ламонта не содержит того, что приписывает ей И.В. Бычко. Заключение в ней мысль вполне справедлива. Как это ни парадоксально, но свобода необходимо предполагает случайность, невозможна без нее. Еще Аристотель отметил, что отрицание реального суще-

¹ Бычко И.В. В лабиринтах свободы. М., 1976. С. 85.

ствования случайности влечет за собой отрицание возможности выбора в практической деятельности, что абсурдно. "Уничтожение случая, — писал он, — влечет за собой нелепые последствия. Есть многое, что совершается не по необходимости, а случайно... Если в явлениях нет случая, но все существует и возникает из необходимости, тогда не пришлось бы ни совещаться, ни действовать для того, чтобы, если поступить так, было одно, а если иначе, то не было этого» (пер. Э. Радлова)¹.

Некоторые наши философы буквально "заиклились" на формуле "свобода есть познанная необходимость". Между тем сам Гегель, если брать в совокупности все его высказывания о свободе, не понимал так упрощенно эту категорию. Он в сущности признавал, что *свобода* содержит в снятом виде оба момента: случайность и необходимость, а не только одну необходимость. Так, в Малой логике (§ 145) он говорит о голом произволе как воле в форме случайности. С другой стороны, он не отрицает, что истинно свободная воля в снятом виде содержит в себе произвол (воля "содержит в себе случайное в форме произвола, но содержит его в себе лишь как снятый момент"²). В другом месте Малой логики (§ 182) он писал, что "истинное и разумное понятие свободы содержит в самом себе необходимость как снятую"³. Таким образом, приписываемый Гегелю взгляд, что свобода есть познанная необходимость есть всего лишь полуправда, которая искажает сложное и многогранное представление немецкого мыслителя о свободе.

¹ Аристотель «Об истолковании», гл. IX, 18b 25-34. Цит. по: «Материалисты Древней Греции». М., 1955. С. 70. Во 2-м томе четырехтомного собрания сочинений Аристотеля это место переводится так: «Итак, это и другие такого рода нелепости получаются, если из двух противоположащих друг другу утверждения и отрицания, будут ли они общими высказываниями об общем или о единичном, одно необходимо должно быть истинным, а другое ложным, и если ничего не происходит как попало, а все существует и происходит по необходимости; так что не надо было бы в таком случае ни решать, ни стараться, полагая, что, если сделаем это, будет это, а если этого не сделаем, то этого не будет». — Аристотель Сочинения в 4 тт., т. 2. -М.: Мысль. -1978. С. 99-100.

² Гегель. Энциклопедия филос. наук. Т. 1. С. 320.

³ Там же. С. 368.

О так называемом парадоксе свободы

К. Поппер следующим образом описывает этот парадокс: “Так называемый *парадокс свободы* показывает, что свобода в смысле отсутствия какого бы то ни было ограничивающего ее контроля должна привести к значительному ее ограничению, так как дает возможность задира поработить кротких. Эту идею очень ясно выразил Платон, хотя несколько иначе и совершенно с иными целями”¹.

В другом месте К. Поппер пишет: “Этот парадокс (свободы — Л.Б.) может быть сформулирован следующим образом: неограниченная свобода ведет к своей противоположности, поскольку без защиты и ограничения со стороны закона свобода необходимо приводит к тирании сильных над слабыми. Этот парадокс, в смутной форме восстановленный Руссо, был разрешен Кантом, который потребовал, чтобы свобода каждого человека была ограничена, но не далее тех пределов, которые необходимы для обеспечения равной свободы для всех”².

¹ К. Поппер. Открытое общество и его враги. Т. 1, М., 1992. С. 328. Примечание К. Поппера: “См. “Государство”, 562 b-565 с. В тексте я подразумеваю, главным образом, 562 с: “...такое ненасытное стремление к одному” (к свободе) “и пренебрежение к остальному искажает этот строй и подготавливает нужду в тирании”. См. далее 562d-e: “А кончат они, как ты знаешь, тем, что перестанут считаться даже с законами — писаными или неписаными — чтобы уже вообще ни у кого и ни в чем не было над нами власти... Именно из этого правления... и вырастет, как мне кажется, тирания”...

У Платона имеются и другие замечания о *парадоксах свободы и демократии* (“Государство”, 564 a): “Ведь чрезмерная свобода, по-видимому, и для отдельного человека, и для государства обращается не во что иное, как в чрезмерное рабство... Так вот тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из демократии: иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство”. См. также “Государство”, 565 c-d: ...)”

² К. Поппер. Открытое общество и его враги. Т. 2, М., 1992. С. 56. См. также: “...то, что в предшествующей главе мы назвали *парадоксом свободы*. Свобода сама себя упраздняет, если она не ограничена. Неограниченная свобода означает, что сильный человек свободен запугать того, кто слабее, и лишить его свободы. Именно поэтому мы требуем такого ограничения свободы государством, при котором свобода каждого человека защищена законом. Никто не

Как видим, К. Поппер следует И. Канту в понимании парадокса свободы. Между тем уже Гегель подверг критике указанный кантовский тезис. Он писал: "... нет ничего более распространённого, чем представление, что каждый должен *ограничивать* свою свободу в отношении свободы других, что *государство* есть состояние этого взаимного ограничения и законы суть сами эти ограничения. В таких представлениях, — продолжает он критику, — свобода понимается только как случайная прихоть и произвол"¹. В самом деле, если свободу понимать только в негативном смысле, как то, что надо ограничивать, она неизбежно сближается с прихотью-произволом.

Именно такое понимание свободы присутствует в известной французской легенде. В ней рассказывается о суде над человеком, который, размахивая руками, нечаянно разбил нос другому человеку. Обвиняемый оправдывался тем, что его никто не может лишить свободы размахивать своими собственными руками. Судебное решение по этому поводу гласило: обвиняемый виновен, так как свобода размахивать руками одного человека кончается там, где начинается нос другого человека.

Насколько распространено это понимание — можно судить по такому факту: Н. Ю. Сенкевич при вступлении в должность генерального директора телеканала НТВ заявил на прессконференции 25 января 2003 г.: "Лично гарантирую, что никаких ограничений свободы слова на канале НТВ не будет". Это популистское и утопическое заявление.

Косвенно такое понимание свободы присутствует в следующем высказывании, которое фигурирует в романе Джеймса Джойса «Портрет художника в юности»:

«Мне представляется, что никакой свободной мысли не существует, поскольку всякое мышление должно быть подчинено собственным законам и ограничено ими».

Из этой фразы Джойса следует, что писатель противопоставляет свободу и законосообразность, свободу и ограничения. Где подчинение законам, где ограничения — там нет свободы...

При желании любое взаимодействие одного человека с другим можно изобразить как недопустимое ограничение сво-

должен жить за счет милосердия других, все должны иметь право на защиту со стороны государства." — Там же. С. 145.

¹ Гегель. Энцикл. филос. наук. Т. 3, М., 1977. С. 353-354 [§ 539].

боды. Например, брак, супружество. Некоторые со страхом думают о заключении брака, так как воспринимают супружеские узы почти как тюремное заключение, как лишение свободы¹. Свобода в таком понимании превращается в нечто опасное для жизни, поскольку она покушается на ценности рода, родовой жизни. Ведь нормально продолжать род можно только в браке, в семье. А без продолжения рода нет жизни.

Вариации на тему свободы без ограничений можно встретить и у нас, и на Западе. Вот как своеобразно идею такой свободы выразил русский поэт-футурист Давид Бурлюк: «Во имя свободы мы отрицаем правописание... Мы ненавидим старые формы». Известный западный автор пишет: «Каждый из нас воплощает идею Великой Чайки — ничем не ограниченную идею абсолютной свободы. Поэтому точность и совершенство полета — только первый шаг на пути к раскрытию и проявлению нашей истинной сущности. Необходимо избавиться от всего, что ограничивает» (Ричард Бах. Чайка Джонатан Ливингстон).

В знаменитой Декларации прав человека и гражданина (Франция, 1789 г.) свобода также понимается как то, что нуждается в некотором ограничении:

¹ Л. Н. Толстой, к сожалению, отдал дань такому представлению о браке. Вот что пишет И.А.Бунин в «Освобождении Толстого»: «Тогда жил в толстовской семье в качестве учителя детей некто Лазурский, впоследствии профессор Новороссийского университета, который рассказывал мне, как однажды Софья Андреевна говорила с ним о "Крейцеровой сонате", когда вдруг вошел Толстой.

— О чем это вы? — сказал он. — О любви, о браке? Брак — погибель. Шел человек до поры до времени один, свободно, легко, потом взял и связал свою ногу с ногой бабы.

Софья Андреевна спросила:

— Зачем же ты сам женился?

— Глуп был, думал тогда иначе.

— Ну, да, ты ведь постоянно так: нынче одно, завтра другое, все меняешь свои убеждения.

— Всякий должен их менять, стремиться к лучшим. В браке люди сходятся только затем, чтобы друг другу мешать. Сходятся два чужих человека и на весь век остаются друг другу чужими. Говорят: муж и жена — параллельные линии. Вздор, — это пересекающиеся линии; как только пересеклись, так и пошли в разные стороны...»

«Статья 4. Свобода состоит в возможности делать все, что не вредит другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека имеет лишь те границы, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Эти границы могут быть установлены только законом¹».

Свободы, любой свободы не бывает без ограничений. Поэтому с самого начала несостоятелен и просто не имеет смысла вопрос о том, ограничивать свободу или не ограничивать. Правильнее ставить вопрос о качестве и количестве ограничений, как они влияют на свободу и в каком отношении они находятся к прямо противоположным действиям — допущениям разного рода. Ведь свобода каждого из нас не только ограничивается в обществе, но и *допускается*. Иными словами, имеет место не только взаимоограничение свободы, но и ее взаимодопущение. В этом суть правопорядка. И в этом также регулирующая роль государства. Из взаимоограничения свободы вытекают многообразные *обязанности человека*; из взаимодопущения свободы вытекают не менее многообразные *права человека*². Гегель, споря с Кантом, выступает против представления о неограниченности свободы (что она может быть неограниченной). Он справедливо полагает, что имеются ограничения, внутренне присущие свободе. Свобода без внутренних ограничений — не свобода, а произвол.

Итак, **на самом деле** нет никакого парадокса свободы. Ведь неограниченной, абсолютной свободы не бывает (своеволие, произвол — не свобода; да и они имеют свои границы).

¹ Последняя фраза «Эти границы могут быть установлены только законом» — весьма сомнительного свойства. Получается, что только государство в лице законодателей может устанавливать границы свободы. А как же мораль, моральные установления и совесть человека? Чисто правовой подход к свободе весьма ограничен и даже опасен. Если в деле свободы ориентироваться только на соблюдение законов, то тогда мораль не нужна, совесть не нужна. Всё регулируется законом. Человек в таком случае нивелируется как хозяин жизни, как субъект деятельности и превращается в исправно функционирующую машину. См. подробнее ниже, п. «Критика чисто юридического понимания свободы».

² Ф.Р. Ламенэ точно сказал: «Обязанность без права есть рабство; право без обязанности — анархия».

Реальная свобода всегда ограничена и извне, и изнутри (извне: внешней необходимостью, обстоятельствами; изнутри: потребностями и долгом). А то, что в результате свободных выборов к власти может прийти тиран-диктатор (как это было в 1933 году в Германии), говорит лишь о том, что свобода сама по себе не дает абсолютных гарантий самозащиты. Свобода всегда заключает в себе риск, в том числе крайний риск уничтожения самой себя¹. Свобода — это возможность, а возможность может содержать в себе и отрицание.

(По поводу же абсолютных гарантий чего-либо можно сказать: их не бывает **в принципе!** Касается ли это свободы, безопасности, успеха, выигрыша, долгой жизни и т. д.)

Еще один парадокс свободы сформулировал Ж.-П. Сартр: «мы суть свобода, которая выбирает; но мы не выбираем бытие свободными: мы осуждены на свободу...» — С одной стороны, мы сама свобода, а, с другой, «мы не выбираем бытие свободными», «осуждены на свободу». Если слово «осуждены» правильно переведено на русский язык, то из фразы «мы осуждены на свободу» вытекает два взаимоисключающих суждения: «мы осуждены» и, следовательно, несвободны как несвободны все осужденные, т. е. заключенные большей частью, и мы свободны, поскольку свобода дана нам изначально вместе с нашей жизнью (бытием, как говорит Сартр). Этот парадокс такой же артефакт, как и предыдущий. То, что мы не можем что-то выбирать (наше детство, родителей, сам факт нашей жизни и т. д.), говорит не о нашей несвободе, а о том, что внутри самой свободы есть некоторые ограничения, некоторое отсутствие выбора.

Очевидно, что реальная возможность выбора не абсолютна, как нет ничего (чисто) абсолютного вообще. Если свобода не абсолютна, то это вовсе не значит, что она отсутствует, что ее нет. Если не бывает абсолютно здоровых людей, то это не значит, что нет людей практически здоровых.

¹ "Свобода — острый нож; им можно и зарезаться" — так остро сказала В. И. Новодворская, председатель партии "Демократический союз" в телепередаче по 3-му каналу 24 января 2003 г.

Свобода как возможность выбора

Весьма распространенным является представление о свободе как *возможности выбора*. И это вполне справедливо. В этом понятии свободы отчетливо можно видеть наличие обоих противоположных моментов — случайности и необходимости. Рассмотрим это на конкретном примере. Выбор профессии — жизненно важная проблема практически для всех людей. Он содержит оба момента. Необходимый момент — человек, становясь взрослым, *должен* определиться в выборе профессии, чтобы реализовать себя — здесь нет выбора.

Случайный момент — выбор именно этой, а не какой-нибудь другой профессии, специальности в зависимости от *случайных обстоятельств* (места, времени и т.д.) или от *случайности хотения*.

Органическое соединение необходимого и случайного при выборе профессии происходит тогда, когда этот выбор осуществляется *по призванию*.

Далее, можно видеть, что *необходимый* момент выбора находит свое выражение в двух категориях — категории *потребности* и категории *долга* (моральной ответственности). Категория потребности выражает *лично необходимый* момент выбора (человек нуждается, испытывает настоящую потребность в каком-либо роде деятельности или в каком-либо предмете, который он может "добыть" только с помощью труда). Категория долга (ответственности) выражает *общественно необходимый* момент выбора (человек обязан, должен работать, трудиться, чтобы не быть тунеядцем, иждивенцем, паразитом). И потребность, и долг *внутренне* необходимы для человека. Только потребность идет от биологических механизмов регуляции поведения, а долг — от социальных механизмов.

(*Кстати о свободе и ответственности*. Во-первых, нельзя все вопросы взаимоотношения свободы и необходимости сводить к проблеме взаимоотношения свободы и ответственности. Последняя — лишь одно из выражений необходимости. Во-вторых, не во всех случаях свобода органически связана с ответственностью, так сказать, дружит с ней. Бывают такие формы ответственности, которые делают человека несвободным. Например, ответственность за преступление-злодеяние,

ответственность раба, крепостного, заключенного. Таким образом, есть ответственность, которую свобода предполагает, и есть ответственность, которая отрицает свободу в том или ином отношении.)

Выбор профессии по призванию как раз объединяет оба необходимых момента — лично значимый и общественно значимый.

Этим необходимым моментам выбора соответствуют два *случайных* момента: *субъективный* — случайность хотения, и *объективный* — случайность обстановки, обстоятельств, и т.п. (например, случайность рождения, стечение обстоятельств).

Под случайностью хотения¹ мы понимаем определенную дозу произвола, которая всегда присутствует в стремлениях и действиях человека. Например, человек выбрал профессию по призванию — стал музыкантом. Это — свободный выбор. И тем не менее, при определении конкретного рода музыкального исполнительства, а еще чаще, при определении конкретного места работы человек может руководствоваться случайными, не связанными с профессией, предпочтениями, в частности симпатиями или антипатиями к возможным сотрудникам, товарищам по работе, к начальству и т.п. Эти симпатии и антипатии могут быть совершенно случайны по отношению к избранному роду деятельности.

В свободе как возможности выбора отчетливо просматриваются *субъективный* и *объективный* моменты.

С *объективной* стороны возможность выбора означает, что есть что-то, из чего можно выбирать. Объективные возможности выбора весьма многообразны.

В древние времена свобода противопоставлялась рабству. Тот является свободным, кто не раб — говорится в Евангелии от Иоанна (8; 33). Видимо, этим же пониманием свободы руководствовался Аристотель, когда писал: “свободным называем того человека, который живет ради самого себя, а не для другого”². Любопытно, что почти также характеризует свобо-

¹ Выражение “случайность хотения” встречается у Гегеля (см. его “Энциклопедию философских наук”, т. I, § 145). Так он определял содержание понятия “произвол”.

² Аристотель. Соч. Т. 1, М., 1976. С. 69 (Метаф. 982b 25).

ду Гегель: “свобода состоит именно в том, что мне не противостоит никакое абсолютно другое, но я завишу от содержания, которое есть я сам”¹.

А вот какие мысли высказал *заклоченный* по поводу жизни на воле: “Люди на воле и не подозревают, что значит — ходить по земле, куда и как тебе самому заблагорассудится, не ожидая команд и не прислушиваясь к ним.

Люди на воле не ценят еще одного великого права — права выбора, которого начисто лишен раб, узник; из словаря свободных людей не исчезло слово “или”, их поступки не подчинены чужой и злой воле”². Человек выходит из тюрьмы на свободу. Это значит, что перед ним открывается масса возможностей жить нормально, по-человечески. Обычно перед человеком открыты *широкие* возможности проявить себя, поступать в соответствии со своими желаниями и потребностями.

* * *

Возвращаясь к критике понимания свободы как абсолютной возможности выбора (см. последний абзац предыдущего параграфа) хотел бы обратить внимание вот еще на что.

Некоторые понимают свободу весьма поверхностно, как возможность выбора между чем угодно, например, между добром и злом, между жизнью и смертью. Свобода как возможность выбора имеет значение не какой-то сиюминутной, одномоментной возможности, а возможности, длящейся во времени, длящейся всю жизнь (не только индивидуальную, а и родовую, всечеловеческую). Если одномоментное осуществление возможности выбора ведет к уменьшению или уничтожению этой возможности, то это не возможность выбора в подлинном смысле. Рассмотрим два приведенных выше примера.

1. Человек решил предпочесть зло добру, например, совершил преступление. Это значит он обрек себя на существенное ограничение возможности выбирать (в крайнем варианте посажен в тюрьму за преступление).

¹ Гегель. Энциклопедия филос. наук. Т. 1, М., 1974. С. 153 (§ 138).

² См.: Е.З.Воробьев. Земля, до востребования.

2. Или человек решил предпочесть смерть жизни, т.е. закончил жизнь самоубийством. Этим он уничтожил самую возможность выбирать.

Возможность выбирать — это возможность выбирать, выбирать, выбирать... до бесконечности.

Подлинная свобода предполагает не всякую возможность выбора, а лишь такую, которая сохраняет возможность выбора или продуцирует новую возможность выбора, качественно и количественно расширяет пределы выбора.

Способность выбора

С *субъективной* стороны возможность выбора означает *способность* выбора. Человек, несмотря на огромные возможности, которыми он располагает, может оказаться неспособным выбирать. Это происходит либо по незнанию, либо по слабости ума, воли, либо вследствие неумения.

Люди обладают разной степенью и разными видами способности выбора. Вероятно, *общая* способность выбора выражается в понятии "*самостоятельность*". Чем большей способностью выбора (в количественном и качественном отношении) обладает человек, тем он более самостоятелен (при прочих равных условиях).

Способностью выбора обладают не только люди, но и животные и вообще живые организмы. Правда, для простейших живых организмов — одноклеточных — эта способность является минимальной. Они могут только осуществлять выбор между пищей и тем, что не является пищей. По мере усложнения и совершенствования организмов возрастает и их способность выбирать. Простейшие организмы и растения¹, например, не могут выбирать среду обитания, а животные могут. Животные ведут, как правило, активный поиск благоприятной среды.

Неспособны выбирать неорганические тела (кристаллы, камни, планеты и т.п.). Это и понятно. Они не осуществляют никакой деятельности. Их "поведение" целиком обусловлено либо необходимостью (например, движение планет вокруг

¹ Имеются сведения о том, что растения в ограниченном смысле обладают способностью выбирать среду.

Солнца), либо случайностью (например, движение пылинок в воздухе), либо вероятностью — промежуточным состоянием между необходимостью и случайностью.

Писатель Виктор Астафьев в беседе с журналистом Политковским сказал следующее: «Свободу я уподобляю тому, что вот... это все равно что бритва в руках ребенка. К ней надо быть тоже пригодным» (фильм «Одинокая река», телеканал «Культура», 30 апреля 2004 г.). К свободе надо быть пригодным — это как раз о том, что свобода имеет внутреннюю составляющую в виде способности выбирать. Ребенок обладает весьма ограниченной способностью быть свободным-самостоятельным. Поэтому опека взрослых ему совершенно необходима. Чтобы быть свободным в полной мере, чтобы вести самостоятельную жизнь, ребенок должен созреть, стать взрослым, в частности, он должен много знать и уметь.

В. Астафьев, говоря о том, что надо быть пригодным к свободе, имел в виду наш российский народ. Он произнес такие горькие и во многом несправедливые слова в его адрес:

«Такого придурка как советский нигде в мире не найдешь. Придурак так придурок. Так вот, народ, который не пригоден для жития в свободе, для восприятия жестокой правды, понимаете... Это такая правда, [которая] его ранит. А он без того изранен, изношен, обижен, обобран, обсчитан, обманут коммунистической партией от начала и до конца, так сказать, вот... Вот она его как начала обманывать, так, все ему мозги запудрила, запудрила... Запудрила, что он, значит, лучше всех живет и сейчас даже, из этой жизни, ему кажется, что он действительно жил хорошо.

— А почему же не пригоден к свободе? — допытывается Политковский.

— А он доказал это сейчас совершенно бесспорно. Понимаете, свободу я уподобляю тому, что вот... это все равно что бритва в руках ребенка. К ней надо быть тоже пригодным». (Из фильма о В. Астафьеве).

Я не согласен с тем, что российский народ не пригоден к свободе. Да, он ошибся в октябре 1917 года, избрал не ту дорогу, сам себя измордовал (ведь большевики-коммунисты — часть нас самих) и т. д., и т. п. Но кто не ошибается? Укажите мне на такого человека или на такой народ.

Свобода — улица с двусторонним движением. Мало выпустить человека из тюрьмы, мало снять с него оковы. Человек должен пройти свою часть пути к свободе. Чеховская фраза "по капле выдавливать из себя раба" как нельзя лучше характеризует необходимость движения к внутренней свободе...

Птичка, которая долго жила в клетке, будучи выпущенной на волю, либо возвращается в клетку, либо гибнет от первых взмахов крыльев. Другой пример: не все крестьяне в России, освободившиеся от крепостной зависимости в 1861 году, захотели быть свободными. Некоторые из них так и остались рабами своих господ до конца жизни.

Чтобы быть по-настоящему свободным, народ должен избавляться не только от внешней или внутренней тирании, но и научиться быть свободным. А для этого нужно время.

Президент США, Джордж Буш, вводя войска в Ирак в марте 2003 года, утверждал: «Главное — мы несем в Ирак свободу. Надеюсь, что иракский народ услышит мое послание». Либо он наивный, либо демагог. В результате его неумной политики иракский народ сильно пострадал. После оккупации Ирака американскими войсками и свержения режима Саддама Хусейна начался настоящий хаос, в результате которого только погибших иракцев оказалось более 100 тысяч, а общее число жертв среди мирного населения исчисляется сотнями тысяч (декабрь 2012 г.)... Вполне возможно, что иракский народ за эти почти десять лет сам разобрался бы с режимом Саддама Хусейна, и без таких ужасающих потерь.

Способность выбора определена выше как субъективный момент свободы. В свою очередь она распадается на два момента: *сознательный* и *волевой* (речь идет, конечно, о человеческой способности выбора).

Сознательный момент способности выбора означает, что человек *способен* обдумывать, "отмеривать", рассчитывать прежде, чем принять решение по какому-либо варианту действия, т.е. способен действовать "со знанием дела". Здесь действует правило: "семь раз отмерь, один отрежь". Лейбниц писал: "уже Аристотель удачно заметил, что свободными действиями мы называем не просто те, которые спонтанны, но те,

которые вдобавок обдуманно"¹. Лейбниц имел в виду то место в "Никомаховой этике", где Аристотель подробно рассматривает вопрос о том, что такое сознательный выбор. Сравн. немецкую поговорку: "Кому выбирать, тому и голову ломать" ("Wer die Wahl hat, hat die Qual). Уместно привести здесь и знаменитое изречение из Евангелия от Иоанна (гл. 8, ст. 32): "Познайте истину и истина сделает вас свободными". (У меня тоже есть подобное высказывание: "чем объективнее взгляд человека на вещи, тем он более независим от них"). Конечно, эти высказывания односторонни, но они заостряют мысль и тем заставляют думать.

Интересно рассуждение В. Э. Шляпентоха о связи свободы и знания (информации): "Свобода действия и возможность принятия решений появляются только тогда, когда существует возможность выбора различных вариантов поведения. При этом понятие "свобода" в принципе может быть квантифицировано: свобода тем "больше", чем больше существует вариантов выбора... Знание возможных вариантов поведения является непременным условием существования "свободы" для индивида или группы. В противном случае имеет место "свобода в себе". Действительно, чем больше информирован школьник о существующих профессиях, покупатель — о наличных в торговле товарах и т.д., тем большей степенью свободы в своих действиях они обладают. Отсюда такая связь понятия свободы с категорией информации, хотя очевидно, что информация является необходимым, но отнюдь не достаточным условием свободы. Если индивидуум точно осведомлен о том, что во всех кинотеатрах города демонстрируется только один фильм, то свобода выбора тем не менее благодаря этой информации у него не увеличилась"².

Волевой момент способности выбора означает, что человек *способен* принять решение по какому-либо варианту действия несмотря на недостаточность знаний, опыта или времени на обдумывание. Способность к волевому выбору, решению позволяет также избежать ситуации буриданова осла. В философской притче, приписываемой Буридану, осел сдох из-за того, что так и не решился выбрать одну из двух равных

¹ Лейбниц. Соч. в 4-х т.т. Т. 2, М., 1983. С. 175.

² См.: "Количеств. методы в социологии", М., 1966. С.40.

охапок сена. Он не мог решить задачу предпочтения одной из двух равных возможностей.

В реальной жизни у людей сознательный и волевой моменты способности выбора не всегда одинаково выражены или развиты. У одних людей может быть более выражен сознательный момент способности выбора. Они хорошо и много обдумывают, "отмеривают", рассчитывают, но порой бывают нерешительны в окончательном выборе или облачают свои выводы, решения в осторожные, не всегда ясные, четкие формулировки. У других людей может быть более выражен волевой момент способности выбора. Тщательному обдумыванию, взвешиванию они явно предпочитают волевой подход, уповают на счастливый случай и даже на "авось".

В основе волевых, волюнтаристских решений лежит *случайность выбора*, когда чаша "волевого усилия" явно перевешивает чашу обдумывания, "отмеривания". Обдумывание и "отмеривание" основываются на познании и учете всех аспектов действительности и возможности, т.е. не только случайности, неупорядоченности, но и необходимости, закономерности, упорядоченности. Человек же, осуществляющий волевое решение, осознанно или неосознанно, абсолютизирует момент случайности, неупорядоченности и недооценивает момент необходимости, законосообразности. Вот откуда, кстати, связь философии волюнтаризма с иррационализмом. В познании существенную роль играет поиск и открытие закономерностей, управляющих событиями. Иррационализм — враг такого познания. Здесь волюнтаризм и иррационализм сходятся. Оба они абсолютизируют одну способность мышления — интуицию, — и недооценивают или отрицают другую, прямо противоположную способность мышления — логику, рассудок. Эта последняя способность в большей степени, чем первая, направлена на осмысление и познание объективной необходимости, закономерности, упорядоченности. Интуиция же направлена главным образом на учет и использование объективной случайности, неупорядоченности бытия.

Вот что пишет В.А. Абчук о важности уравновешенного подхода к сознательному и волевому аспектам свободного выбора:

“в схеме управления переработка информации сопряжена с выбором определенного образа действий. Этот-то выбор образа дей-

ствия на основе переработки информации и есть решение. Решение является основой управления, его сердцевиной...

Принимая решение, современный судоводитель, инженер, хозяйственник наряду с количественными результатами вычислений должен учитывать великое множество обстоятельств и соображений качественного характера, не сводящихся к однозначным ответам. И, как правило, получается, что в сходных условиях можно действовать так, можно и иначе. А жизнь заставляет на чем-то остановиться, прийти к вполне определенному, единственному решению. Тут не обойтись без выбора, который, помимо умения считать, требует еще и волевых качеств.

...Жан Буридан сочинил забавную притчу об осле, который подход с голода, так как не смог выбрать одну из двух одинаковых охапок сена, оставленных ему хозяином. Печальная история буриданова осла — лучшая иллюстрация того, что может приключиться, если у принимающего решение отсутствует воля. В этом свете становится понятным странный на первый взгляд афоризм "Лучше одно плохое решение, чем два хороших"...

Необходимость и важность волевого начала решения несомненна. Но руководителя-«волевика» подстерегает другая опасность, не менее страшная, чем та, что погубила бедного осла, — опасность свести решение исключительно к волевому акту, лишит свой выбор мудрой обоснованности. Подобного рода действия имеют даже специальное научное название — «волонтаризм»...

Итак, в слове «решил», наряду с академическим «представляется возможным», должны четко прослушиваться и металлические нотки «быть по сему». Все дело в правильной пропорции «академизма» и «металла». Каким же должно быть это важное соотношение? Попоплам? Один к двум?..

Ответа на этот вопрос вы не найдете ни в одном учебнике — для каждого решения пропорция должна быть своя. Впрочем, некую общую закономерность можно все же уяснить, «Семь раз отмерь, один отрежь» (7:1), не наоборот. Расчетному началу решения, «отмерить», отдается явное предпочтение. Так ли, однако, поступаем мы с вами, уважаемый читатель, когда жизнь заставляет нас решать. Стараемся ли мы сдерживать неукротимое желание «отрезать» сразу, без каких-либо расчетов, исходя из так называемого здравого смысла или решая просто «на глаз».

Волевое действие предполагает предварительное осознание цели и средств действия, мысленное обсуждение оснований, говорящих «за» или «против» его выполнения.

Решение не есть доказательство математической теоремы или получение ответа математической задачи, ибо здесь нет волевого момента — ответ однозначен — в этом смысле выражение «решить арифметическую задачу» не точно). С другой стороны, решение не есть и чистый волевой акт: волевое усилие завершает обоснованный выбор, расчет.

Как правило, решение предполагает выбор с участием воли одного из нескольких возможных вариантов действий¹.

¹ Абчук В.А. Теория риска в морской практике. Л., 1983. С. 7-9.

Формула свободы

По определению свобода есть взаимоотношение случайности и необходимости. Ее можно выразить формулой:

$$Св^1 = (Н — [С — Н]) — С$$

где (Н-С-Н) — опосредствование необходимости случайностью;

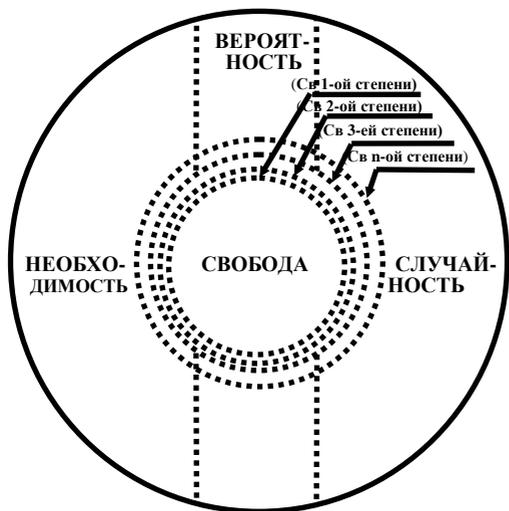
[С-Н-С] — опосредствование случайности необходимостью;

Св¹ — свобода первой степени (не путать с понятием "степень свободы", используемым в механике, физике и некоторых других науках!).

Свобода 1-ой степени присуща простейшим живым организмам (одноклеточным), способным к самостоятельному существованию.

По мере усложнения и совершенствования живых организмов становится сложнее, шире и глубже свобода их поведения, т.е. повышается степень их свободы. (В эмпирическом плане это выражается, в частности, в увеличении степеней свободы¹. Самый сложный и совершенный организм — человеческий — имеет 600 мышц и, по меньшей мере, 250 степеней свободы!). В категориально-логическом плане повышение степени свободы выражается в *углублении* взаимоотношения необходимости и случайности. Это углубление можно представить *скачками* или *лестницей*. Свободе 1-ой, 2-ой, 3-ей и т.д. степеней соответствуют различные дискретные уровни взаимоотношения. Ниже см. диаграмму "Уровни (глубина) взаимоотношения необходимости и случайности".

¹ Степени свободы объекта — независимые характеристики, необходимые для однозначного определения положения объекта. В ньютоновской механике для описания состояния материальной точки имеют три степени свободы: пространственные координаты X, Y, Z. См.: Симанов А.Л. Понятие "состояние" как философская категория. Новосибирск. 1982. С. 12.

Чем выше степень свободы, тем более глубокие слои необходимости и случайности она "захватывает" в результате взаимоопосредствования этих противоположностей.

Свобода в человеческом обществе носит весьма сложный характер. Какой она степени — об этом трудно судить. Нужны исследования. Если руководствоваться самыми

общими соображениями, то можно предположить, что человек обладает свободой не ниже 7-ой степени или еще выше. В самом деле, если предположить, что простейшие живые организмы (одноклеточные) обладают свободой 1-ой степени, многоклеточные растительные организмы — свободой 2-ой степени, животные — свободой 3—6-ой степени (беспозвоночные, позвоночные холоднокровные, позвоночные теплокровные яйценосящие, млекопитающие или живородящие), то тогда человек должен обладать свободой не ниже 7-ой степени.

Таким образом, становление живой природы и человеческого общества можно представить как *прогресс в деле свободы*, т.е. как последовательное восхождение от свободы одной степени к свободе другой, более высокой степени.

Как понимать взаимоопосредствование необходимости и случайности? Попробуем пояснить это на близких для нас примерах, т.е. на примерах, взятых из жизни человека. Нужно только учесть, что эти опосредствования не будут такими однозначными, как на уровне свободы 1-ой степени. Ведь если в последнем случае взаимоопосредствование необходимости и случайности является как бы непосредственным (либо [Н — С — Н], либо (С — Н — С)), то в рамках свободы, которой

обладает человек, это взаимоопосредствование будет не непосредственным, а *многократно опосредованным*, как бы взаимоопосредствованием в кубе или в четвертой-пятой степени.

Поэтому в связи с большой сложностью взаимоопосредствования необходимости и случайности в человеческом обществе мы намеренно будем представлять его по упрощенной схеме: (Н-С-Н) или [С-Н-С].

Рассмотрим первый вариант: [С-Н-С] — опосредствование случайности необходимостью. Возьмем такой пример. В науке известны так называемые случайные открытия, когда ученый искал одно, а находит совершенно другое. Такова история открытия явления радиоактивности Анри Беккерелем. Хотя это открытие и случайно, однако оно не состоялось бы, если бы не было опосредствовано необходимостью, а именно всеми знаниями, логикой мысли и направленностью интересов французского ученого. Как раз перед этим открытием было открыто рентгеновское излучение. Анри Беккерель все время думал об этом открытии, как свидетельствуют биографы, и это "думание" создавало особую атмосферу поисков. На фоне "думания" и было сделано открытие радиоактивного излучения солей урана. Вот как описывает это открытие Ева Кюри:

"После открытия Рентгеном X-лучей Анри Пуанкаре решил исследовать, не подобны ли X-лучам Рентгена, и те лучи, какие исходят от флуоресцирующих тел под влиянием света. Увлеченный такой же задачей, Анри Беккерель исследовал соли урана. Но вместо ожидаемого явления он обнаружил другое, совершенно отличное и необъяснимое: соли урана самопроизвольно без предварительного воздействия на них света испускали лучи неизвестного происхождения. Содержащее уран вещество, положенное на фотографическую пластинку, обернутую в черную бумагу, воздействовало на пластинку и сквозь бумагу. Подобно X-лучам и "урановые" лучи разряжали электроскоп, превращая окружающий воздух в проводник.

Анри Беккерель убедился, что эти свойства не зависели от предварительного облучения, а неизменно появлялись и тогда, когда содержащее уран вещество выдерживали долго в темноте. Он открыл то самое явление, которое впоследствии получит от Мари Кюри наименование "радиоактивность"¹.

Подобные открытия, даже самые случайные, не являются на самом деле чисто случайными. Они всегда опосредованы

¹ Кюри Е. Мария Кюри. М., 1974. С. 140.

теми или иными необходимыми моментами. Случай помогает только подготовленному уму, говорил Луи Пастер. Или: случай улыбается тем, кто умеет им пользоваться¹.

Рассмотрим теперь второй вариант: [Н-С-Н] — опосредствование необходимости случайностью. Для примера возьмем ситуацию выбора профессии. С самого начала задано как необходимое условие взрослой жизни — работать, трудиться, выбрать ту или иную профессию. Однако эта необходимость выбора опосредуется случайными предпочтениями или обстоятельствами. То же можно сказать о выборе любимого, суженого. Он изначально задан как необходимое условие взрослой жизни. С другой стороны этот выбор потому и является выбором, что он обусловлен, опосредован массой случайностей. В делах любви большую роль играет Его Величество Случай и не только в отрицательном, но и в положительном смысле. Случайность является своего рода повивальной бабкой, помогающей рождению любви. Такую же роль случайность играет и в искусстве. Вот что писал, например Александр Грин: "Есть безукоризненная чистота характерных мгновений, какие можно целиком обратить в строки или в рисунок. Это и есть то в жизни, что кладет начало искусству. Подлинный случай, закованный в безмятежную простоту естественно верного тона, какого ждем мы на каждом шагу всем сердцем, всегда полон очарования. Так немного, но так полно звучит тогда впечатление" ("Крысолов").

С точки зрения анализа проблемы опосредствования интересна такая форма поведения — *намек*. В этой форме поведения сознательно используется элемент случайности. Намек может быть понят, а может быть и не понят. Следовательно, он может остаться без ответа. Тот, кто делает намек, хотел бы, чтобы он был понят другим или другими. Но, с другой стороны, он допускает, что намек может быть не понят и, следовательно, то что он хочет, может не осуществиться. Например, девушка намекает юноше о своих чувствах и желаниях. В основе этого ее поведения лежит потребность, т.е. необходимость. А по форме ее поведение носит характер *игры*, одним из проявлений которой является намек, специально подстроенная случайность.

¹ См.: Ученова В. Беседы о журналистике. М., 1985. С. 84.

Зависимость и независимость

Выше мы говорили о становлении живой природы и человеческого общества как последовательном восхождении от свободы одной степени к свободе другой, более высокой степени. Но прогресс в деле свободы можно представить и как движение от зависимости к независимости, от большей зависимости к меньшей зависимости. Человек как живое существо, безусловно, более независим от окружающей среды, чем животные. Современный человек более независим от нее, чем первобытные люди. Выйдя в космос и осваивая его, он даже стал преодолевать земное тяготение. (Кстати, фактом выхода в космос человечество решило задачу, превосходящую всё, что могла сделать живая природа на Земле.)

Зависимость и независимость — это еще две диалектически взаимосвязанные противоположные стороны свободы.

Так, ребенок в раннем возрасте максимально зависим от родителей. В зрелом возрасте человек минимально зависим и, соответственно, максимально независим от родителей.

Наверное, нельзя однозначно связывать зависимость с необходимостью, а независимость — со случайностью. Зависимость ребенка от родителей содержит в себе как элемент необходимости (создание благоприятных условий для жизни и развития), так и элемент случайности (например, зависимость от прихотей, ошибок, просчетов родителей, их незнания и неумения). Или другой пример. Человек тысячами нитей связан с обществом, в полном смысле слова "живет в обществе". И зависимость человека от общества — это не только его зависимость от многоликой социальной необходимости в моральном, правовом, экономическом, политическом смысле, но и зависимость от случайностей социальных изменений, конфликтов, потрясений, от случайности рождения и воспитания в данном обществе в данную историческую эпоху.

Так же и независимость может быть следствием не только субъективной или объективной случайности, но и субъективной или объективной необходимости. Тот же выход человека в космос, преодоление им земного тяготения — результат действия многих факторов, в том числе и такого как *логика* научно-технического прогресса. Или поведение человека в исключительно опасных для его жизни обстоятельствах. Та-

кая субъективная необходимость как жажда жизни здесь всегда к услугам.

Соотношение *зависимость-независимость* выражает степени свободы (и, соответственно, несвободы) субъекта по отношению к другому, к объекту.

Человек, пока жив, всегда свободен, является свободным существом. Он изначально обладает каким-то минимумом свободы просто как живое существо¹. Но в то же время в человеке заложено стремление к большей свободе, причем безграничное стремление. Отсюда все проблемы.

Когда говорят о несвободе, рабстве, гнете, то не надо это понимать в смысле полного отсутствия свободы. Даже в самых стесненных обстоятельствах человек обладает определенным минимумом свободы, прежде всего, *способностью выбирать*. Это как раз и позволяет ему бороться за освобождение, за расширение свободы.

Критика чисто юридического понимания свободы

Широко известно высказывание Ш. Монтескье «Свобода — это право делать всё, что не запрещено законом». Его нередко повторяют как нечто безусловно истинное. Недавно я услышал эту фразу из уст радиоведущей Русской службы новостей (26.12.2007, ок. 9-и утра). Подумаем, однако, является ли это определение свободы полноценным, достаточным для понимания свободы? Можно привести немало примеров, которые свидетельствуют о недостаточности чисто юридического понимания свободы. Порядок жизни не обеспечивается одними только правовыми законами. Существует еще мораль, которая в большинстве случаев лежит вне сферы действия правовых законов. Мораль не допускает хамства. А правовые законы не запрещают хамское поведение. И подлость и вообще бессовестное поведение большей частью не охватываются запретительными законами.

Так что чисто юридическое понимание свободы допускает

¹ Сравн.: «Представить себе человека, не имеющего свободы, нельзя иначе как лишенным жизни» (Л. Н. Толстой).

аморализм и даже провоцирует аморальное поведение. Человечек в критических ситуациях думает только о том, не нарушает ли он законы. А на моральную сторону дела ему наплевать.

В американских фильмах нередко воспроизводится чисто юридический подход к свободе, к поведению людей. А о моральной стороне свободы-поведения (моральных принципах-нормах, совести человеческой) в таких фильмах, как правило, не говорят, молчат или, если говорят, то в пренебрежительном ключе как о чем-то ненужном, мешающем, ничтожном, сиропно-сентиментальном. Стали даже говорить о том, что иметь совесть немодно. Такая фраза звучит в известном американском фильме "Годзилла". Аналогичную фразу я услышал в отечественном фильме «Наша дача» (1990 г.) из уст матери взрослого сына: «Совесть нынче не в моде».

Я в США не был, поэтому личных свидетельств о таком подходе к свободе в этой стране у меня нет. Но, общаясь с людьми, читая книги и статьи об Америке, я не раз слышал или читал про разные вопиющие случаи, когда свобода понимается чисто юридически, когда в интимные вопросы жизни вторгаются жесткие юридические правила (например, устанавливается минимальная норма карманных денег, которые родители юридически обязаны выдавать детям).

В свете сказанного мне представляется сомнительным принцип верховенства права, закона. Надо понимать: законы и право не всё регулируют в обществе. Они необходимы, но недостаточны. И тезис о правовом государстве весьма сомнителен. Государство — такой социальный институт, который опирается не только на право, но и на мораль, и на культуру, и на науку, не только на авторитет силы, но и на силу авторитета... Нужно говорить не о правовом государстве, а о том, чтобы право занимало в государстве подобающее ему место, не меньшее, но и не большее. При господстве права в обществе между людьми будут превалировать чисто внешние отношения, а это взаимное недоверие, отчужденность, бездуховность, сутяжничество, доносительство и тому подобные "прелести" внешних отношений.

Вот как формулируется принцип верховенства права в документе ООН:

«Для Организации Объединенных Наций верховенство права означает такой принцип управления, в соответствии с которым все лица, учреждения и структуры, государственные и частные, в том числе само государство, функционируют под действием законов, которые были публично приняты, в равной степени исполняются и независимо реализуются судебными органами и которые совместимы с международными нормами и стандартами в области прав человека. Для этого также необходимы меры, обеспечивающие соблюдение принципов примата права, равенства перед законом, ответственности перед законом, беспристрастного применения законов, разделения властей, участия в принятии решений, правовой определенности, недопущения произвола и процессуальной и правовой транспарентности» (Сайт ООН).

Кажутся бесспорными основополагающие формулировки принципа верховенства права, законов. Однако, при внимательном рассмотрении можно увидеть два серьезных изъяна:

1. Фактическое игнорирование моральных форм регулирования (внутренних, опирающихся на совесть человека, и внешних, опирающихся на силу обычаев, традиций, общественного мнения, мнения отдельных групп людей и отдельных людей). В результате этого фактического игнорирования возникают два нежелательных следствия:

1.1. Человек в таком случае рассматривается не как моральный субъект, моральное существо, имеющее совесть, свое понимание жизни и ответственности, а как некая шестеренка, некий винтик, элемент правового механизма, который должен безусловно подчиняться установлениям правового характера (правилам, нормам, законам).

1.2. За пределами регулирования отношений между людьми остаются гигантские сферы их совместной жизни, поскольку право и законы по самой своей сути не могут охватить все бесчисленные способы поведения и отношений людей. Они лишь грубая, так сказать топорная, регулировка отношений в обществе. Последнее нуждается в тонкой регулировке, шлифовке отношений между людьми, что возможно лишь при моральном регулировании.

2. Упор на законы, законность, на исполнение, соблюдение законов влечет за собой перекося в сторону необходимости, законосообразности и, соответственно, принижение значения случайности (неопределенности) в жизни человека. А это

означает в конечном счете ущемление свободы человека. Ведь она в **равной** степени опирается на необходимость и случайность, в **равной** степени учитывает определенность, упорядоченность, предсказуемость жизненного процесса и его относительную неопределенность, неупорядоченность, непредсказуемость.

Свобода по-американски

Американская поговорка гласит: «Вооруженный человек — это свободный человек; невооруженный человек — это раб»¹. Вот так американцы в большинстве своем думают. Это умонастроение отражено в американской конституции: "Право народа хранить и носить оружие не подлежит ограничениям".

Получается, свобода по-американски замешана на **недоверии** людей друг к другу, на игнорировании или даже отрицании презумпции невиновности. Ведь что такое оружие у обыкновенного человека? Это значит, что он готов его применить 1) в случаях, когда ему кажется, что на него или на его собственность покушаются, и 2) в случаях, когда он сам готов покуситься на жизнь, на права других. В итоге мы видим повышенную подозрительность и повышенную агрессивность американцев. Об этом свидетельствуют многие американские фильмы. Чуть что их герои хватаются за оружие и стреляют на поражение. Типичным в этом плане является фильм «Рэмбо».

Свои внутренние отношения американцы переносят на внешние. Очень часто США бряцают оружием, используют военную силу в своих отношениях с другими странами. И это на протяжении практически всей истории существования США. Сначала американцы осуществляли экспансию на территории Северной Америки, боролись с коренными жителями, индейцами, постепенно вытесняя и\или уничтожая их, а затем они стали проводить свою агрессивную политику в отношении остального мира.

¹ См. документальный фильм «Вокруг света с Дэнном Крикшэнком в поисках 80-и сокровищ» (телеканал «Культура», 7.07.07).

Наличие оружия порождает соблазн его употребления, провоцирует его обладателя на применение. Вспомним, пресловутое чеховское ружье, которое если висит на стене в первом акте пьесы, то обязательно выстрелит до конца спектакля.

Свобода, замешанная на недоверии, ущербна, поскольку она не использует или недоиспользует возможности, основанные на доверии людей друг к другу.

"Мы должны думать как сделать наш мир добрее, а людей терпимее к друг другу, а не о том, чтобы дать людям в руки средство уничтожения себе подобных. В мире и так достаточно смертельных опасностей!" (из Интернета).

«Оружие всегда и во все времена порождало агрессию. Давайте дружить и жить в мире! Это банально, но так этого хочется!" (из Интернета).

«В Соединённых Штатах Америки вооружённые люди страдают чаще, чем невооружённые. "Блатной" не собирался стрелять, хотел только попугать человека, но увидел в его руках "пушку", испугался и выстрелил... Все это знают, но большинство всё равно за то, чтобы каждый желающий, за малым исключением, имел право обладать оружием. Для большинства американцев это дело принципа. В их понимание свободы входит и это: свобода личности защищать себя с оружием в руках» (из Интернета).

Таким образом, свобода по-американски неприемлема для остального человечества. Иными словами, ценности американской демократии обладают существенным изъяном и не могут служить эталоном для других стран.

Телеканал "Вести" сообщает 28.01.09:

"В США потерявший работу Эрвин Люпо убил жену и пятерых детей, а потом застрелился сам (...)

Стрельба и многочисленные жертвы дома, в школе, в торговых центрах каждый раз попадая в заголовки новостей, провоцируют споры о доступности огнестрельного оружия в Соединённых Штатах. Но и после самого массового расстрела в студенческом городке Вирджинии в правилах покупки оружия нет никаких изменений. (...)

Может поэтому Соединённые Штаты так уверенно удерживают первое место в мире по количеству преступлений с применением огнестрельного оружия" (Солодовников и Сальмонележнев. Вести из Вашингтона. Цит. по: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=246733>).

И еще. Мнение, что колыт всех равняет (делает равными), при внимательном рассмотрении не выдерживает критики, т. е. ошибочно. Американские социологи провели исследование, в котором выяснилось, что лишь 30 процентов имеющих оружие умеют им пользоваться. Это значит, что 70 процентов американцев, обладающих оружием, оказываются беспомощными в ситуации нападения со стороны вооруженного человека. Где же тут равенство?! Выходит, обман и самообман!

Свободомыслие и атеизм

Будучи решительным сторонником свободы мысли во всех вопросах, я все-таки думаю, (правильно или неправильно, все равно) что прямые доводы против христианства и теизма едва ли произведут какое-либо впечатление на публику и что наибольшую пользу свободе мысли приносит постепенное просвещение умов, наступающее в результате прогресса науки. Поэтому я всегда сознательно избегал писать о религии и ограничил себя областью науки.

Ч. Дарвин — из письма К. Марксу за полтора года до смерти

Атеизм — позиция несвободы. Атеист на “да” верующего должен говорить “нет”, а на “нет” верующего — “да”. Т. е. атеист не свободен в определении своей позиции по тем или иным вопросам, затрагиваемым верующими¹. Яркий пример несвободного атеизма — атеизм Ф. Ницше. Атеист и нигилист Ницше яростно нападает буквально на всё, что проповедует христианская религия, в том числе на то, что есть в этой религии нормально-человеческого.

Далее. *Атеизм отрицателен, деструктивен и поэтому логически неопределен, т. е. допускает взаимоисключающие воззрения, в частности: гуманизм и антигуманизм.* Атеист Ницше был антигуманистом. Верующий-гуманист Тейяр де

¹ На это давно уже обращали внимание. Вот что, например, писал Ф. Энгельс: "атеизм, как *голое* отрицание религии, ссылающееся постоянно на религию, сам по себе без нее ничего не представляет и поэтому сам еще является религией" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 36. С. 161). Здесь я вполне согласен с Энгельсом.

Шарден мне более симпатичен, чем атеист-антигуманист Ницше.

И дело не только во взглядах. **Действия атеистов могут быть не менее разрушительны и опасны, чем действия верующих фанатиков.** Это наглядно показала практика государственного коммунистического атеизма в СССР¹. Она также отвратительна, как и практика власть имущих религиозных фанатиков в средневековой Европе, в некоторых странах современного Востока.

Я отвергаю воинствующий, оголтелый атеизм, потому что вместе со всем плохим в религии, в поведении верующих он отбрасывает все хорошее или нейтрально-нормальное.

Как быть с верующими, которые искренне верят в бога и которых не переубедить наскаками на религию, всякими разоблачениями? Как быть с творениями человеческого гения, в которых использованы религиозные сюжеты? Например, с “Сикстинской мадонной” Рафаэля или с “Явлением Христа народу” А. Иванова? Ведь в этих творениях религиозный элемент, как правило, — не просто оболочка, а нечто внутреннее. Отделить одно от другого невозможно; иначе будет вивисекция (отсечение живого).

Свободомыслие предпочтительнее атеизма. Свободомыслящий не так связан, ограничен в выборе, как называющий себя атеистом. Атеист (буквально отрицающий бога) — так или иначе богоборец. Свободомыслящий не отрицает бога, а объясняет себе и другим феномен веры в бога, откуда эта вера взялась и почему бог существует только в воображении людей. *Свободомыслящий понимает, что вера людей в бога связана с разными сторонами их жизни и порой так тесно, что разочарование в этой вере может быть губительно для них.*

Атеизм ограничен не только своей чисто отрицательной, деструктивной позицией. Он ограничен также тем, что направлен в сущности не против религии как таковой, во всем ее многообразии, а лишь против идеи бога. Религия ведь не только вера в бога. Это и вера в ангелов, в сатану, дьявола, вера в святость отдельных людей, вещей, вера в чудодействен-

¹ О критике марксизма и коммунизма см.: Л.Е.Балашов. Критика марксизма и коммунизма. М., 1997.

ную силу молитвы, икон, креста, одним словом, в магию и т. д. и т. п. Атеист может отрицать бога и одновременно верить в какие-либо иные фантомы, т. е. сохранять в себе отдельные элементы религиозного сознания. Он может быть мистически настроен, суеверен, верить в астрологию, в телепатию, в инопланетян...

Из переписки в интернете

Евгений Деменок (фейсбук, запись в статусе):

«Человек — такое создание, которое может жить пристойно и осмысленно, только если понимает, что есть кто-то выше и главнее его».

Лев Балашов 08 Январь 2011 г.

О Вашей фразе в статусе. Она по смыслу противоречит заявленным Вами же либеральным взглядам. Разберитесь.

Eugene Demenok: Мой либерализм никак не противоречит моему убеждению в существовании Бога:)

Лев Балашов: Еще как противоречит. Ваш либерализм, по-видимому, обладает изъяном. Либо Вы формально верите в Бога.

Eugene Demenok: По-Вашему, либерализм=атеизм?

Лев Балашов: Нет, я так не думаю. Либерализм предполагает свободомыслие. А это не то же самое, что атеизм. Либерал как свободомыслящий человек допускает искреннюю веру в бога у других. Но если он себя считает либералом, в частности свободомыслящим, то должен отвергнуть идею бога и связанную с ней идею жесткой иерархии существ или одностороннего подчинения одного другому. Последняя явно противоречит самому духу свободы. Свобода одинаково относится к порядку и беспорядку, т.е. в равной степени допускает то и другое. Если порядок за иерархию, то беспорядок исключает иерархию. Живое, в том числе человек, находится на границе порядка и беспорядка. Свобода невозможна в чистом порядке и в чистом беспорядке. Она в наибольшей степени комфортно себя чувствует именно при соединении порядка и беспорядка, на границе порядка и беспорядка, при равном присутствии того и другого.

Псевдолиберализм (ультралиберализм и недолиберализм)

Следует выделить два его вида:

1) ультралиберализм, когда свобода абсолютизируется, трактуется в духе, «что хочу, то и ворочу», как безразмерная величина;

2) недолиберализм или избирательный либерализм, когда для одних провозглашается безразмерная свобода, а для других всякие ограничения свободы.

Ультралиберализм. Абсолютизации свободы и связанные с этим злоупотребления

В современном обществе распространяется как зараза идеология абсолютной свободы, т. е. свободы, не знающей никаких ограничений. Идеологи такой свободы придумали даже «аргумент свободы» для оправдания разных гнусностей.

1. Либерализм и его отношение к вопросу о легализации наркотиков

В статье, помещенной в Интернете, обсуждается вопрос о легализации наркотиков. Автор статьи приводит "**аргумент свободы**", выдвигаемый теми, кто выступает за легализацию наркотиков:

"В свободном обществе каждый должен иметь право делать со своим организмом все, что ему нравится, иногда с условием: пока это не наносит никакого вреда другим. Рынок наркотиков также должен быть свободен и не ограничен государством. Тогда свободная конкуренция автоматически привела бы к снижению до минимума цены наркотиков и к максимальному улучшению их качества".

Он вроде бы критикует такое понимание свободы, но по существу с ним согласен:

"Человек делает свободный выбор, начинать ли ему употреблять наркотики, но как только он становится зависимым от них, он теряет свободу выбора навсегда. Потребление наркотиков становится императивом, который превосходит ограничения со стороны даже самого авторитарного общества, режима. Окружение наркомана, его семья, коллеги и общество всегда испытывают на себе влияние его пагубного пристрастия. И поэтому, естественно, невозможно утверждать что-либо относительно истинности неограниченной свободы личности. Это просто политическая и идеологическая по-

зация, позаимствованная из доктрины о свободе воли. На самом деле, идея свободного доступа к наркотикам не получила поддержки отца современного либерализма Джона Стюарта Милля. В своей книге "О свободе" (впервые изданной в 1859 г.) Милль призывает общество вмешаться, если питье вызывает последствия для кого-либо, кроме самого пьющего. Что касается ядов, используемых в немедицинских целях (которые на современном языке с полным основанием можно назвать наркотическими веществами), то либерал Милль предлагает запрет всех форм их продажи. Кроме того, по мнению Милля, тут вполне допустимы и профилактические меры, как в форме полицейского вмешательства, так и просветительские. В другом, более близком нам по времени классическом труде "Для чего нужна демократия?" его автор, Альф Росс, сравнивает либерализм с демократией. Согласно Россу, эти концепции по существу не связаны между собой. Демократия основана на том, что нас объединяет. *В либерализме же главное — индивидуальное, то есть то, что нас разделяет* (курсив мой — Л.Б.). Здесь мы сталкиваемся с вечной проблемой либерализма. *В нем нет ничего, что могло бы удерживать членов общества вместе* (курсив мой — Л.Б.). Либерализм всегда был должен идти на компромисс, приспособляясь к общепринятым представлениям, чтобы уравнивать свою дилемму. Общество всегда должно быть сцементировано социальными соглашениями, суперструктурой, иначе оно скатится или к дикости, или к тоталитаризму. Демократия, проще говоря, означает, что человек не может делать только то, что ему нравится. Каждый должен подчиняться ограничениям ради блага общества.

Либеральный аргумент "свободного рынка" не может быть применен к наркотикам (курсив мой — Л.Б.). Цена и качество этого товара не поддаются регулированию в соответствии с обычными теориями спроса и предложения. В этом случае законы свободной конкуренции не действуют, так как покупатель заведомо находится в безнадежно невыгодном положении по отношению к продавцу. Наркоман должен получить товар немедленно и готов заплатить за него любую цену."

Мой комментарий. И либерализм, и свободу в этом ответе истолковываются как нечто отрицательное. Либерализм якобы выступает за то, что разделяет людей, и что в нем нет ничего, что могло бы удерживать членов общества вместе. А свобода якобы есть возможность делать то, что нравится, т. е. всё, что угодно.

Да, либерализм выступает за свободу. Но разве свобода разделяет?! Чушь какая-то. Свобода — возможность выбора и чем больше возможности выбора, тем больше свободы. Именно в обществе (во взаимодействии с другими людьми) человек имеет больше возможности выбора, чем если бы он был

наедине с природой или во вражде с людьми, обособлении от них.

Кто сказал, что в либерализме главное — индивидуальное? И почему индивидуальное обязательно есть то, что разделяет?

Либерализм выступает за **большую** свободу индивидуумов, но это отнюдь не исключает того, что индивидуумы могут любить друг друга, дружить, сотрудничать, кооперироваться, объединять свои усилия в каких-то делах. Свобода каждого зависит от свободы всех, а свобода всех зависит от свободы каждого.

Большое заблуждение считать также, что индивидуальное разделяет. Индивидуальное есть, конечно, отдельное, т. е. то, что присуще исключительно данному индивиду и не присуще другим индивидам. Но разве оно разделяет? Музыкальный гений П. И. Чайковского есть нечто присущее лишь ему. Но разве он (этот гений) разрывает пропасть между П. И. Чайковским и другими людьми? Нет, нет и нет! Именно благодаря своему уникальному гению П. И. Чайковский понятен миллионам и любим ими.

Индивидуальное *только разделяет* для тех, кто рассматривает межчеловеческие отношения лишь как враждебные, а взаимоотношения человека с обществом как исключительно антагонистические. Такую позицию можно встретить у З.Фрейда, у экзистенциалистов и некоторых других философов XIX–XX веков. Оставим это на их совести. Они запутались на противоречиях и погрязли в них.

Человеческая индивидуальность по настоящему расцветает лишь во взаимодействии (связи и столкновении) с другими людьми. Где-то она разделяет, а где-то объединяет. Ясно одно: вне общества человеческого индивида не существует.

И последнее. Непонятно, почему *"либеральный аргумент 'свободного рынка' не может быть применен к наркотикам"*. Разве "свободный рынок" исключает правила (правила купли-продажи, например)? Не может быть никакого рынка, ни свободного, ни несвободного, без правил, т. е. без определенных ограничений. А раз так, то "свободный рынок" вполне может допустить-переварить и такие ограничения-правила, которые регулируют куплю-продажу наркотиков (скажем, допустить куплю-продажу наркотиков для медицинских целей и исключить их куплю-продажу для иных целей).

Одним словом, автор этой статьи все время пытается представить и либерализм, и свободу как что-то по своей сути исключающее ограничения, правила, законы. Это никуда негодная позиция.

Опиумные войны в Китае

Одним из ярчайших злоупотреблений свободой является развязывание британцами опиумных войн в Китае. Британцы возражали против запрета опиума в Китае, обвиняя китайские власти в нарушении правил свободной торговли (аргументируя тем, что запрет нарушает правила свободной торговли).

2. О принципе "всё попробовать"

У молодого человека желание попробовать наркотики возникает порой из-за неосознанного или осознанного стремления стать быстрее взрослым, быть хозяином своей жизни, освободиться от разных опеки (родительской, школьной и т. д.).

Такое стремление порой дает о себе знать в виде принципа **"всё попробовать"**. (Этот "принцип" неявно исходит из представления о свободе как возможности поступать так, как хочется). Юные-молодые нередко ловятся на удочку этого принципа. Они еще не вполне отдают себе отчет в том, что "всё попробовать" — ложный, губительный принцип. Да, попробовать можно многое и не только можно, а и нужно! Юные осваивают мир и любознательность-любопытство — естественные их помощники в этом деле. Однако, для того и голова на плечах, чтобы различать: что можно пробовать, а что нельзя. Одурманенные наркотиками иногда прыгают с высокого этажа большого дома в надежде, что они полетят. Они "пробуют", а итог этой пробы плачевен. Пробующие наркотики уподобляются этим наркоманам-самоубийцам.

Принцип "всё попробовать" не знает исключений — поэтому он дурной, детский, глупый. Молодые люди, дожившие до взрослого состояния, больше уже не следуют этому принципу. Взрослые прекрасно отдают себе отчет в том, что далеко не все "пробы" допустимы и оправданы, что свобода выбора имеет ограничения внутри себя.

3. О свободе вероисповедания

Иногда, к сожалению, можно встретить взгляд на либерализм как идеологию абсолютной свободы, т. е. свободы, не знающей никаких ограничений. Русское слово «попустительство» хорошо передает такой подход к либерализму. Вот наглядный пример: отношение российских властей к деятельности секты Аум Синрикё на территории России в период, когда они (власти) боялись показать себя нелиберальными или цинично ссылались на недопустимость ограничения свободы вероисповедания, имея в виду другие цели своего попустительства. В фильме «Спецрасследование. Секты. Жертвы. Деньги», показанном по ОРТ 26 февраля 2005 г., профессор Московского НИИ психиатрии Юрий Полищук говорит: «Община Аум Сенрикэ в России, в Москве стала больше, чем в Японии. За короткий срок свыше 50 тысяч завербованных было. Родители криком кричали: «помогите! спасите! наши дети гибнут!» В Минздрав обращаются, обращаются в Администрацию президента, в Министерство юстиции, в КГБ... А они: «нет, нет, нет, мы не имеем... у нас так... свобода вероисповедания...»». Да разве родители, люди, общество не имеют права защищать себя, своих детей от угрозы несчастья и самоуничтожения?! Повторяется ситуация, как в случае с наркотиками. Свобода, которая не умеет себя защищать, — это не свобода, а произвол!

4. Свобода слова и оскорбление чувств верующих

Понимание свободы как чего-то безразмерного весьма распространено в странах Европы и Америки. Это касается прежде всего такого аспекта свободы как свобода слова. Всякий запрет и всякое ограничение в этой сфере болезненно воспринимается как покушение на свободу слова, как нарушение права журналистов и в целом СМИ говорить и показывать всё, что они считают нужным.

30 сентября 2005 г. датская газета опубликовала ряд рисунков-карикатур на пророка Мухаммеда. Эта публикация прошла незаметно. Но вот эти же рисунки-карикатуры появились в январе 2006 г. в одной из газет Норвегии. И началось. В мусульманских странах эти публикации посчитали святотатством, богохульством и объявили бойкот товарам из Дании и

Норвегии. Дальше-больше. В Саудовской Аравии и в Палестине потребовали извинений от указанных стран. Начались акции протеста. Экстремистски настроенные мусульмане стали угрожать расправой журналистам датской газеты. Европейцы решили поддержать датчан и норвежцев. В периодических изданиях Франции, Англии, Германии, Италии и некоторых других стран появились перепечатки этих рисунков-карикатур. Взорвалась Индонезия, самая большая мусульманская страна мира. Жители Джакарты стали штурмовать посольство Дании, забрасывать его яйцами и помидорами, сорвали и сожгли государственный флаг этой страны. Премьер-министр Дании Андерс Фогг Расмуссен после первых протестов в мусульманских странах вынужден был публично оправдываться и извиняться. Де у него в стране свобода слова и по закону он ничего не может поделаться с газетой, опубликовавшей эти рисунки-кариатуры. В интервью арабскому каналу Аль Арабия он сказал буквально следующее: «В нашей стране пресса абсолютно не зависит от государства». Вот вам безразмерная свобода в действии. Оказывается, по словам Расмуссена в Дании нет закона, по которому ее граждан-журналистов можно было бы привлечь к ответственности. Расмуссен сказал чудовищную вещь. Трудно поверить в то, что в Дании нет закона, по которому министерство юстиции, прокуратура и суд не могут привлечь к ответственности и наказать зарвавшихся журналистов. С одной стороны, Расмуссен, руководитель страны, заявляет, что в его стране «пресса абсолютно не зависит от государства», а с другой, он извиняется за эти некорректные публикации и утверждает, что «абсолютное большинство людей заинтересовано в сохранении дружеских отношений между нашими народами». Как это можно совместить: дружбу и оскорбление чувств тех, с кем дружишь?! Я считаю вполне справедливым возмущение мусульманской общественности.

Мне вспоминается в этой связи эпизод из отечественного фильма «Дело пестрых». На вечеринке нахальный молодой человек по фамилии Растегаев поцеловал девушку без ее согласия. Девушка возмутилась. Он сказал ей в ответ: «мое желание для меня закон». Она возразила: «А если мое желание ударить тебя?!» И привела это желание в действие. Он пригрозил ей расправой.

Или такой пример, иллюстрирующий подобную ситуацию. Допустим, я живу рядом с зоной, в которой обитают опасные хищники (львы, тигры, леопарды и т.д.) Считая, что для меня существует абсолютная свобода передвижения, я пошел прогуляться в эту зону. Конечно, меня сочтут либо глупым, либо сумасшедшим. А что звери-хищники? Они как абсолютно естественные природные существа будут защищать свою территорию и вполне возможно, что при моем приближении нападут на меня (например, тигрица, охраняющая своих детенышей). Что в итоге? Моя смерть. Вот тебе и абсолютная свобода передвижения. **Свобода, приводящая к самоликвидации, — на самом деле несвобода, отрицание свободы.** Свобода слова, на пустом месте приводящая к вражде, ненависти, к нарушению нормальных отношений, — это несвобода.

Мусульмане ведут в данной ситуации как эти звери-хищники, абсолютно естественно, в соответствии со своими внутренними правилами жизни. Если кто-то со стороны зашел на их территорию (в нашем случае, покусился на их святыни), они вправе защищать эту территорию. Датчане, опубликовавшие карикатуры на пророка Мухаммеда, поступают как этот человек, живущий по принципу «что хочу, то и делаю (ворочу)».

Кофи Аннан, генеральный секретарь ООН (до 2007 г.), совершенно справедливо сказал: «Я разделяю недовольство друзей-мусульман, которые считают, что эти карикатуры оскорбляют их религию. Я также уважаю свободу слова, но, конечно же, свобода слова не может быть абсолютной. Она подразумевает ответственность и благоразумие» ((НТВ. Сегодня. 4.02.06).

К сожалению, некоторые псевдолибералы в Европе и в мире продолжают отстаивать позицию безразмерной свободы слова. Они публикуют во все новых газетах карикатуры на пророка Мухаммеда. Вот что сообщается в «Вестях»: «Тем временем газеты по всему миру продолжают выражать свою гражданскую позицию, помещая в своих выпусках скандальные карикатуры. Сегодня карикатуры с изображением пророка Мухаммеда появились на страницах бельгийских, польских и новозеландских изданий.» (РТР. Вести. 4.02.06). Вот так: это свое хамство по отношению к мусульманам они называют выражением гражданской позиции!

Разве свобода согласуется с хамским поведением?! Разве она допускает хамство и глумление?! Посмотрите, какого содержания карикатуры на пророка Мухаммеда. Во-первых, сам факт изображения пророка Мухаммеда является святотатством для мусульман. В исламе не допускаются изображения людей. О каком уважении мусульманской религии можно говорить уже в этом случае! Во-вторых, на одной из карикатур — изображение на голове пророка вместо тюрбана бомбы с подожженным фитилем. Это как понимать? Намек на то, что ислам — террористическая религия?! На Земле насчитывается более миллиарда мусульман (утверждают, до полутора миллиардов). Что, они все террористы-шахиды?! Такое изображение пророка Мухаммеда не просто хамство и неуважение к исламу. Это настоящее глумление над мусульманской религией, над верующими-мусульманами!

К сожалению, конфликт по поводу опубликованных карикатур разросся до погромов и убийств. Разгромлены и сожжены посольства Дании и Норвегии в Сирии, Ливане. Имеются раненые и убитые в результате стычек протестующих мусульман с полицией. В Турции прямо во время службы убит католический священник. Это убийство связывают с указанным конфликтом. Вот что наделали подонки-газетчики с этими своими публикациями карикатур. Настоящие провокаторы.

На телеканале ОРТ 12 февраля 2006 г. в программе «Воскресное время» приводятся данные такого опроса: «В Англии лондонское агентство Популюс (Populus), попыталось в противостоянии найти момент истины, предложив британцам два вопроса:

1. Должны ли мусульмане принять принципы свободы слова, которые означают, что газета может публиковать такие карикатуры, какие хочет?

2. Газеты имеют право публиковать всё, что хотят, но не оскорбляя религиозные чувства?

И на тот и на другой «да» ответило большинство, примерно по 65 процентов».

Если верить данным опроса, то можно только удивляться тому, как много британцев сбито с толку разговорами об абсолютной свободе слова. И вполне понятно, что примерно такое же количество британцев отдает себе отчет в том, что свобода слова не может быть абсолютной, безграничной.

Следует также заметить, что довольно-таки большая часть британцев шизофренически ответила «да» на оба взаимоисключающих вопроса. Как много еще людей не умеют логически мыслить в таких важных вопросах!

Обратите внимание: формулировка первого вопроса почти текстуально совпадает (если отбросить частности) с определением слова «свобода», данным в немецком Философском словаре¹, и повторенном в “Краткой философской энциклопедии”².

5. Гомосексуализм и свобода

Отвратительной отрыжкой идеологии неограниченной, безразмерной свободы является сверхтерпимое отношение к гомосексуализму. Гомосексуалисты и их защитники обычно используют аргумент свободы для оправдания гомосексуализма. Они нередко рассуждают так: «Мы свободные люди, любовь геев не запрещена».³ Эту фразу произнес один из молодых людей, перед этим целовавшийся с другим молодым человеком в сквере возле памятника героям Плевны в Москве...

Как я уже говорил в своей книге «О любви», гомосексуализм относится к числу аномальных явлений, отклонений от нормального сексуального поведения. Что же мы видим сегодня? В последние десятилетия резко усилилось общественное внимание к гомосексуальным отношениям, особенно в Северной Америке и в Европе. Гомосексуальные отношения не только не стали осуждать, а, напротив, наблюдается явно выраженная тенденция повышения градуса сочувствия или даже поддержки-пропаганды этих отношений. В ряде стран в законодательном порядке ввели институт юридического оформления гомосексуальных отношений (Нидерланды, Великобритания, некоторые штаты США). Официальные лица (мэры городов, депутаты, министры) стали открыто признаваться в том, что они гомосексуалисты, т. е. перестали стесняться своего

¹ См. сноску выше, на стр. 11 (Философский словарь (Г. Шмидт. Штутгарт, 1957). Пер. с нем., М., 1961. С. 523.)

² “Свобода — возможность поступать так, как хочется”.

³ Из фильма о гомосексуалистах, показанного по телеканалу НТВ утром 21 ноября 2006 г. в рубрике «Чистосердечное признание».

гомосексуализма. Дело дошло до того, что Европарламент 18 января 2006 г. принял резолюцию о неприятии гомофобии. Эта резолюция предполагает законодательный запрет во всех странах Евросоюза на любое сопротивление идеям сексуальных меньшинств.

В СМИ, в кино все больше звучит тема гомосексуальных отношений и, конечно, со знаком плюс. 1 февраля 2006 г., например, в США было объявлено, что наибольшее количество номинаций на премию «Оскар» (шесть) получил фильм «Горбатая гора», повествующий о любовной связи двух ковбоев-геев¹.

Отвратительно заигрывание с гомосексуализмом в нашей стране. Так, в новогодние дни (вплоть до 2010-2011 г.) почти во всех праздничных-развлекательных программах по телевидению был задействован поп-певец Борис Моисеев, весьма средних способностей, но скандально известный своей гомосексуальной ориентацией.

К каким опасным социальным последствиям может привести такое попустительство в отношении гомосексуализма, можно видеть на примере, который привел в одной из телепередач известный российский пианист Николай Петров (2005 г.). Представьте себе, сказал он, что в Большом театре главным художественным руководителем стал гомосексуалист. Кого он предпочтет из двух примерно равного таланта певцов, претендующих занять место в театре: певца-гомосексуалиста или обычной ориентации? Конечно, певца-гомосексуалиста. Этот вывод делает Н. А. Петров. В самом деле, если руководителем того или иного ранга будет гомосексуалист, то ему приятнее работать с такими же как он гомосексуалистами. Что из этого может получиться? Начнется ползучее вытеснение из сферы трудовой деятельности негомосексуалистов. Гомосексуалисты, образно говоря, сядут на голову обществу и будут им помыкать. Ситуация, как в известной песне М. П. Мусоргского про блоху (слова И. Гете). Житья людям не станет от гомосексуалистов. В прямом и переносном смысле. Ведь жизнь человеческая может прекратиться. Гомосексуалисты в общем и целом не настроены на продолжение рода.

¹ Гей — мужчина-гомосексуалист.

Им интересна только такая любовь, которая никак не может привести к деторождению.

Основная причина или одна из основных причин гомосексуализма в прошлом была естественная или искусственная изоляция мужчин от женщин, а женщин от мужчин (тюрьмы, монашество, обет безбрачия духовенства, закрытые учебные заведения отдельно для юношей и отдельно девушек, частично армия). Иными словами, гомосексуальные отношения оценивались людьми в прошлом как противоестественные (по Библии содомистские) именно потому, что они были результатом **нарушения нормальных отношений** между лицами мужского и женского пола. В немногих случаях гомосексуальные отношения были результатом избыточности секса, стремления к изощренности, к новым необычным ощущениям, результатом того, что называют «с жиру бесятся».

Основная причина распространения гомосексуализма в современном обществе — это серьезные огрехи в системе воспитания и образования подрастающего поколения. Молодые люди воспитываются и обучаются большей частью как абстрактные люди, а не как будущие родители, мужья и жены. Почти все предметы в школе и вузе не имеют никакого отношения к этой важной стороне жизни. В школе главенствуют математика, русский язык и литература, история, география, физика, химия, биология... В вузе ситуация еще хуже. А ведь в школе и вузе молодые люди проводят лучшие часы своей жизни. В итоге молодые люди, воспитанные и обученные таким образом, не готовы к взрослой жизни мужчин и женщин, жен и мужей, отцов и матерей. Не случайно в XX веке появилась мода на унисекс. Молодые люди не чувствуют себя настоящимими лицами мужского и женского пола. Отсюда прямая дорога в гомосексуальные отношения. Ведь людям, не чувствующим и не осознающим в достаточной мере свою мужскую или женскую сущность, всё равно кого любить, с кем заниматься любовью.

Я думаю, гомосексуализм как единственный или основной способ удовлетворения сексуальных желаний — это путь в никуда, это **конец жизни**. Ведь гомосексуалисты-мужчины отвращаются от женщин, а гомосексуалистки-женщины — от мужчин. В итоге терпит ущерб фундаментальный процесс жизни — ее воспроизводство. Не случайно то, что одновре-

менно с повышением интереса к гомосексуализму в странах Европы и Америки снижается ниже допустимых пределов рождаемость. Планка рождаемости уже давно ниже необходимой для воспроизводства человека (в странах Европейского союза на одну женщину в среднем приходится 1,5 ребенка. — Информация 2006 г. А между тем для простого воспроизводства человека требуется 2,15 ребенка на одну женщину). И дело не только в снижении рождаемости. Гомосексуализм отворачивает мужчин и женщин от наиболее естественных гармоничных отношений, от гармонии, созданной самой природой. Я имею в виду гармонию полов, любовь мужчины и женщины. Гармония — это единство разнообразного. Мужчина и женщина — разные и даже противоположные в половом отношении люди. И их любовь, их половая связь — это действительное, а не выдуманное-надуманное единство разнообразного.

Я не против заключения в отдельных случаях юридических союзов мужчин и мужчин, женщин и женщин. Ведь бывают же **фактические** союзы людей одного пола, основанные на дружбе, совместном ведении домашнего хозяйства, на эмоциональной привязанности и сексе. Они тоже должны находиться в правовом поле, т. е. охватываться правоотношениями, вытекающими из совместной жизни. Но такие союзы, юридические и фактические, не должны афишироваться, а тем более пропагандироваться и выставляться как альтернатива брачным союзам мужчин и женщин. В частности, они не должны называться браком, брачными отношениями. Брак мужчины и женщины — юридическая и/или официальная основа семьи, а семья — основная ячейка общества. В семье мужчины и женщины не только вместе живут, но и плодятся, размножаются. **Без семьи нет общества.** Чем меньше семей в обществе, тем меньше детей, а чем меньше детей, тем меньше будущего у данного общества; общество в таком случае сжимается, сокращается как шагреновая кожа вплоть до полного исчезновения.

Запретить гомосексуализм нельзя, но и защищать, а тем более, поддерживать-пропагандировать его тоже нельзя.

Для части гомосексуалистов гомосексуализм — это просто болезнь и их надо лечить от этой болезни с помощью врачей, психиатров, медицины.

Для другой части гомосексуалистов, которые забавляются им, играют в него, гомосексуализм — это безответственность, потеря нравственных ориентиров и, шире, витальных, жизненных ориентиров. Для них нужна антипропаганда гомосексуализма и нормальное половое воспитание-просвещение.

Гомосексуалисты часто говорят о своих правах в том значении, в каком говорят о правах человека. Я считаю, что права гомосексуалистов нельзя квалифицировать как разновидность прав человека. Их права того же сорта, как «право» преступника-убийцы убивать людей или как «право» некрофила... В самом деле, чем отличаются гомосексуалисты от преступников-убийц? Да только тем, что последние убивают человека родившегося, а первые убивают человека, который мог родиться, убивают род. Есть фундаментальное право человека — право на жизнь. Так вот: гомосексуализм фактически отвергает это право, отвергает его в той части, которая касается родовой жизни человека. Любовь мужчины и женщины так или иначе, как правило завершается деторождением, продолжением рода. А чем может закончиться однополая любовь? Детей гомосексуалисты произвести не могут. Следовательно, они — убийцы рода. Вывод: своим поведением гомосексуалисты нарушают фундаментальное право человека на жизнь, т. е. фактически они против свободы, враги свободы. Проповедь неограниченной свободы на поверку означает отрицание свободы. Ведь с прекращением жизни прекращается и свобода.

Можно взглянуть на дело и с другой стороны. Кроме прав человека существуют обязанности человека. Нет прав без обязанностей. Права и обязанности человека должны находиться и находятся по своему естеству в согласии и гармонии. Право на однополую любовь вступает в противоречие с обязанностью продолжать жизнь рода. Значит, это плохое право. Оно не гармонирует с обязанностью и, следовательно, должно быть отвергнуто.

6. Ультралибералы и антилибералы

Нужно понимать: либерализм имеет противников не только справа, со стороны антилибералов, но и слева, со стороны

тех, кто вроде бы за свободу, но понимает ее как безразмерную величину, в абсолютном смысле.

Те, кто выступает за абсолютную свободу — ультралибералы по факту и псевдолибералы по сути. «Никто так не дискредитирует либеральную идею, как сумасшедший либерал» — сказал В.Р.Мединский (НТВ, «Честный понедельник», 12.10.09).

Ультралибералы на словах за свободу, а на деле отрицают ее. Избави нас бог от таких «друзей» свободы. Всё живое имеет меру. Свобода, как одна из фундаментальнейших характеристик живого, безусловно, имеет меру, размер, границы. Поэтому тот, кто кричит по поводу того, что свобода не знает ограничений, что свобода самовыражения — абсолютная категория, священная корова, которую нельзя трогать, — это просто глупцы, которые не понимают, о чем говорят, или провокаторы, которые используют лозунг свободы в своих эгоистических, корыстных интересах. Неужели газетчики, публикующие назло мусульманам карикатуры на пророка Мухаммеда (якобы во имя свободы слова, как они сами заявляют¹), не понимают, что этим они дискредитируют в глазах миллионов и миллионов людей идею свободы, либерализм. Если свобода допускает святотатство, хамство, глумление над чувствами верующих, то кому нужна такая свобода?! Вот и получается, что эти газетчики — провокаторы, враги свободы. Они провоцируют народ на борьбу с либеральными порядками, с демократией.

Как раз за это не любят либералов некоторые интеллектуалы. Яркий пример: яростно нападающий на либерализм А. Г. Дугин. Вот что он написал недавно в «Литературной газете»:

« СВОБОДА ДЛЯ ...»

Либерализм – это отвратительное, человеконенавистническое, подлое учение. Он омерзителен в теории и на практике. Если бы мы знали, что стоит за красивым иностранным словом « либерализм », мы отшатнулись бы, ужаснулись бы, бросились бы бежать от него как можно быстрее и как можно дальше. Пора назвать вещи своими именами, нас слишком долго запутывали... На первый взгляд слово «либерализм» отсылает нас к идее «свободы» — латинское *libertas*. Либерализм настаивает: мерой всех вещей является «торгующий индивид», он – смысл бытия и полюс жизни. Не мешайте ему де-

¹ Написано 6 февраля 2006 г.

лать, что он хочет, т. е. торговать, и мы попадаем « в счастливейший из миров». Торгующий индивид, движимый эгоизмом и алчностью – а «эгоизм» и «алчность» считаются добродетелями либеральной философии, — должен быть взят в качестве универсального эталона. Все правовые, административные, нравственные, религиозные и социальные ограничения должны быть с него сняты; произвол его капризов, его интересов, его расчетов и выгод ложится в основу новой системы ценностей. Но тут возникает каверзный вопрос: а для чего нужна такая свобода? «От чего» понятно, но «для чего».

«Свобода для», freedom, требует более высокой цели и более фундаментального понимания человека. Она ставит трудные вопросы: в чём позитивный смысл жизни? Для чего человек трудится, живёт, дышит, любит, творит? Куда и зачем направить тот сгусток энергии, с которым человеческий детеныш рождается в мире людей, возрастает в нем, делает первые шаги, говорит первые слова, сажает деревья, строит дома, заводит семью? «Свобода для» — это удар по струне человеческого сердца, это новый животворящий мрак, куда нас бросает философское вопрошание. Это риск, это безумие, это вызов, это далёкий зов наших последних, глубоко запрятанных бездн...

Обыватель бледнеет перед этим вопросом, он подавлен ужасающим бытийным объемом открывающейся позитивной свободы, он не знает, что с этим делать, он пасует, он прячется, он уходит от ответа. Тут на горизонте еврейской философии появляется худой немецкий профессор славянского происхождения. Тонкие желтые пальцы ловко и немного брезгливо хватают англичанина за мочку пуританского уха. Фридрих Ницше, блистательный, беспощадный, фатальный, как ветер пустынь сирокко: «Свободным называешь ты себя? Твою господствующую мысль хочу я слышать, а не о том, что ты сбросил ярмо с себя. Из тех ли ты, что имеют право сбросить ярмо с себя? Таких немало, которые потеряли свою последнюю ценность, когда освободились от своего рабства. Свободный от чего? Какое дело до этого Заратустре! Но твой ясный взор должен поведать мне: свободный для чего?».

«Так говорил Заратустра (о пути созидающего)». Одним этим коротким пассажем либералы окончательно и бесповоротно уничтожены. На них поставлен крест – немногие способны преодолеть проклятие Заратустры. «Свобода от» — это чаение извечного законченного раба, свободный дух выбирает только «свободу для» — с неё он начинает и ею заканчивает. Ты хочешь торговать, мужчина? Иди и торгуй, не хочешь, не иди и не торгуй! Вставай, улыбайся, твори, рискуй, ошибайся – ты заплатишь за всё и по полной шкале, и ни кто не спасёт от жестоких и беспощадных стихий полнокровного живого человеческого бытия. Гарантировать «свободу от» невозможно. Свободу берут сильной мужской рукой и больше не хнычут и ни от кого не ждут пощады. Либерализм – политическая платформа уродов и пройдох, стремящихся правовым образом сохранить награбленное, уворованное, стащенное. Русскому чело-

веку такая гадость чужда. Мы гордый славянский народ, сильный и смелый... Почему же мы стоим веками на коленях? – спросит язвительный англосакс, поигрывая бумажкой с биржевыми котировками... Потому, что мы не можем нащупать этого тайного, трудного, кристально чистого и не терпящего ни малейшего обмана «для». Мы слишком любим истинную свободу, чтобы разменивать её на пошлое, рабское, уродское либеральное «от». Мы лучше постоянно ещё так, как стоим, соберемся с духом... А потом скажем, наконец, скажем своё великое русское слово, последнее слово мировой истории. Это будет слово ультимативной свободы, позитивной и солнечной Свободы для...» (Александр Дугин. Литературная газета №9, 2003 г.)

Мой комментарий:

1. Совершенно глупое противопоставление «свободы для» и «свободы от». Не может быть «свободы для» без «свободы от» и, наоборот, «свободы от» без «свободы для». Выше об этом было сказано достаточно (см. стр. 22, 31).

2. Откуда Дугин взял, что либералы исходят из понимания свободного человека как торгующего индивида?! Нет ничего проще, чем сначала оглушить оппонента, представить его позицию вычурно односторонней, а потом язвительно посмеяться над ним.

3. А. Г. Дугин в своей критике либералов ссылается на Ф. Ницше. И в самом деле, Ф. Ницше по сути — крепостник. Сам тон его высказываний — пророческий, безапелляционный, категорический, ненавидяще-отрицающий — обнаруживает в нем верующего, но никак не свободомыслящего¹.

* * *

К сожалению, думающих как А. Г. Дугин довольно-таки много в нашей стране. Мы недавно освободились от тоталитарного режима и еще не вполне разобрались в том, что такое свобода.

Вот пример. По телеканалу «Культура» в программе «Линия жизни» (13.02.06) известный кинорежиссер Вадим Абдрашитов произнес буквально следующее: «Чем больше свободы, тем больше пропорционально анархии». Он вроде бы за свободу, но понимает ее как-то странно, фактически отожде-

¹ См. подробнее о Ф. Ницше: Л. Е. Балашов. Ф. Ницше — Гитлер философии. Pamфлет. (Электронный текст на сайте «balashov44.narod.ru» в разделе «Рукописи...»)

ствил с произволом-своеволием. Так Вы, господин Абдрашитов, за свободу или против нее?

Еще один пример: в реферате о Вальтере Ратенау, распространенном в интернете, я прочитал следующее: «Ведь либералы всех поколений (включая нынешних) в моральном, нравственном и экономическом плане бьются за полную независимость от государства, от всех ограничений, какого бы рода они не были и от каких бы инстанций не исходили, до истеричности превознося абстрактный принцип свободы индивидуума. (...) Признано социологами, что демократические государства естественно и объективно способствуют укоренению пороков людских. Наша действительность демонстрирует рост наркомании, уголовной преступности, бродяжничества, сексуальных извращений и т.д. Психологические отклонения стали бичом общества конца XX века именно исходя из принципа свободы личности». (См., например, текст с сайта www.5ballov.ru/referats/preview/73111/2).

7. Самообман и спекуляции по поводу прав человека

Некоторые осознанно или неосознанно ставят знак равенства между правами человека и свободой. Это либо заблуждение, либо спекуляция. Свобода предполагает в равной степени и права человека, и его обязанности. Поэтому когда говорят о нарушении прав человека, то это не означает автоматически ущемление свободы человека. Выше я писал:

Свободы, любой свободы не бывает без ограничений. Поэтому с самого начала несостоятелен и просто не имеет смысла вопрос о том, ограничивать свободу или не ограничивать. Правильнее ставить вопрос о качестве и количестве ограничений, как они влияют на свободу и в каком отношении они находятся к прямо противоположным действиям — допущениям разного рода. Ведь свобода каждого из нас не только ограничивается в обществе, но и **допускается**. Иными словами, имеет место не только взаимоограничение свободы, но и ее взаимодопущение. В этом суть правопорядка. И в этом также регулирующая роль государства. Из взаимоограничения свободы вытекают многообразные *обязанности человека*; из взаимодопущения свободы вытекают не менее многообразные *права человека*. Гегель, споря с Кантом, выступает против

представления о неограниченности свободы (что она может быть неограниченной). Он справедливо полагает, что имеются ограничения, внутренне присущие свободе. Свобода без внутренних ограничений — не свобода, а произвол.

В связи с этим я приводил слова Ф. Р. Ламенэ: «Обязанность без права есть рабство; право без обязанности — анархия». Выступающие за права человека и правозащитники именно в силу односторонней ориентации на права человека постоянно сбиваются в сторону абсолютизации прав отдельных людей или отдельных меньшинств.

Нельзя права людей рассматривать вне связи с их обязанностями.

Во-первых, надо иметь в виду, что свобода одного человека естественно ограничивается свободой другого. И соблюдение прав одного человека может вести к нарушению прав другого (например, право курильщика, если оно не ограничивается, вступает, как правило, в противоречие с правом некурящего не быть пассивным курильщиком).

Во-вторых, всякое право человека СОПРЯГАЕТСЯ с аналогичной обязанностью. Например, право на жизнь сопрягается с обязанностью никого, в том числе себя, не убивать. И с обязанностью продолжать жизнь, род. Тебе дали жизнь, предоставили право жить и ты ДОЛЖЕН дать жизнь другим, т.е. предоставить право жить другим!

В-третьих, правозащитники часто делают такую весьма грубую ошибку в отстаивании прав тех или иных людей (или групп людей): они фактически относятся к этим людям как к страдальцам, к пассивно страдающим, т. е. говоря более широко, не как к субъектам (личностям, индивидуумам, деятелям, обладающим волей и разумом), а как к объектам-жертвам, права которых надо защищать.

Правозащитники оказались, в сущности, теми же народниками или социалистами. Они видят в людях, в народе только слабое-страждущее (объект воздействий). А спросили они у людей, народа — нужна ли им такая помощь, которая унижает, оскорбляет их достоинство, которая превращает их в иждивенцев-инвалидов?!

Правозащитники часто воспроизводят поведение разного рода непрошенных спасителей.

Эта тема порой звучит так: **можно ли сделать людей счастливыми?**

Одно дело, когда человек хочет быть счастливым, стремится к счастью, создает условия для этого и т. д. и т. п. Другое дело, когда человек, не думая о своем личном счастье, стремится сделать счастливыми других, осчастливить других и даже всё человечество. Д. Дидро писал: “Самый счастливый человек тот, кто дает счастье наибольшему количеству людей”¹. Юный К. Маркс, повторив Дидро: “... опыт превозносит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей” — ”развил” мысль: “Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что это — жертва во имя всех; тогда мы испытываем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам...”² Видите, как Маркс ставит вопрос: “трудиться для человечества”, “жертва во имя всех”. Он не только допускает ситуацию — пожертвовать личным счастьем во имя счастья миллионов — но и просто даже не видит иного, нежертвенного варианта. Очевидно, такого варианта и в самом деле не существует. Кто хочет принести счастье наибольшему количеству людей, тот волей-неволей должен забыть о таком “пустяке” как личное счастье (Маркс уничижительно назвал личное счастье “жалкой, ограниченной, эгоистической радостью”).

Насколько оправдано стремление принести счастье наибольшему количеству людей? Здесь возникает другой вопрос: а хотят ли люди, чтобы их осчастливили? Нет ли тут навязывания своей воли и своего понимания (в частности, своего представления о счастье) другим людям, всему челове-

¹ Дидро Д. Собр. соч. в 10-и т. М.-Л., 1935-1947. Т. V. С. 133. То же у Бетховена: “Нет ничего выше и прекраснее, чем давать счастье многим людям”. Но здесь может быть неточен перевод. “Давать счастье” — в некоторых случаях такое выражение допустимо... Если употреблять его в фигуральном смысле или как некоторое художественное преувеличение.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 5.

честву? Нет ли тут эффекта непрошеного благодетеля, защитника, спасителя? В самом деле, кто просил этих “самоотверженных” делать других счастливыми, приносить другим счастье? Если они сами себя отвергают (самоотверженные ведь!), в частности, готовы пожертвовать своим личным счастьем, то как они могут понять, **что** нужно другим людям, **какое** вообще счастье нужно людям?! Человек, который сам не испытал счастья, — только теоретически представляет счастье. А теоретическое счастье может сильно отличаться от действительного счастья, от того, что на самом деле нужно людям.

Стремление сделать других людей счастливыми — опасная утопия. Никто не может сделать кого-либо счастливым, а тем более принести счастье многим людям. Счастье — категория сугубо индивидуальная. Это значит, что только сам человек может сделать себя счастливым. Он — субъект счастья или несчастья. Человека можно сделать богатым (например, оставив ему наследство), дать ему пищу, кров и т. п., но сделать его счастливым нельзя! Когда матери думают, что могут сделать своих детей счастливыми, то они глубоко ошибаются. Ошибаются мужчины и женщины, думающие, что они осчастливливают тех, с кем живут. Ошибаются политические и иные деятели, думающие, что они могут принести счастье многим людям. К. Поппер справедливо писал: “Любить человека — значит желать сделать его счастливым. (Такое определение любви, кстати говоря, принадлежит Фоме Аквинскому.) Однако из всех политических идеалов те, которыми вдохновляются стремления сделать человека счастливым, пожалуй наиболее опасны. Такие идеалы неизменно приводят к попытке навязать другим нашу систему “высших” ценностей для того, чтобы они осознали, что с нашей точки зрения имеет чрезвычайную важность для их счастья, для того, чтобы так сказать, спасти их души. Они ведут к утопизму и романтизму. Мы все чувствуем, что любой был бы счастлив в прекрасном и совершенном мире наших грез. Вне сомнения, небеса спустились бы на землю, если бы мы все могли любить друг друга. Но, как я уже сказал (в главе 9), попытка создать рай на земле неизбежно приводит к созданию преисподней. Она вызывает нетерпимость. Она вызывает религиозные войны и спасение душ посредством инквизиции. К тому же она, я уверен, основывается на полном непонимании нашего морально-

66

го долга. Наш моральный долг состоит в том, чтобы помогать нуждающимся в нашей помощи, однако моральный долг не может заключаться в том, чтобы делать других счастливыми, ведь это от нас не зависит, и к тому же это слишком часто представляет собой не что иное, как вмешательство в частную жизнь тех, к кому мы имеем дружескую склонность.”¹

Чудовищный утопизм В.И. Ленина. Ленин принадлежит к числу людей, которых давно уже окрестили “благородными” разбойниками. Ленин не по злему умыслу погубил много людей, подверг остракизму и устроил террор против части общества. Он совершенно искренне хотел счастья людям и не просто хотел, а был одержим идеей осчастливливания. Преувеличенное стремление к чему-либо обычно приводит к обратному результату. Вспомним лозунг, висевший в 1920-е годы в Соловецком лагере особого назначения: “Железной рукой загоним человечество к счастью”. Эти слова принадлежат Л. Д. Троцкому, ближайшему сподвижнику Ленина. В них — циничная суть “благородного” разбойничества. Совершенно справедливо отмечает А. Г. Латышев: “В отличие от некоторых критиков Ленина, считающих сегодня, что главной целью деятельности Ленина был захват и удержание власти, уверовал, что стремлением всей его жизни было — осчастливить часть населения планеты (рабочих, бедных крестьян), уничтожив для этой цели другую часть (“богачей”, священнослужителей, свободомыслящую интеллигенцию и т. д.). А подобный “стратацид” ничем не лучше нацистского геноцида.”²

Слишком болеть за других людей также вредно, как и относиться бесстрастно-равнодушно-цинично к их болям-несчастьям. Во всем нужна мера, в том числе и в этом сострадании. Неумеренное сострадание к одним людям обычно сопровождается неумеренной ненавистью-враждой к другим, живущим относительно благополучной жизнью. К чему приводит такое отношение к людям — мы знаем.

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2, М., 1992. С. 274.

² См.: Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 9.

Нынешние правозащитники в умеренной форме воспроизводят эту обантотившуюся модель борьбы за счастье и спасение людей.

Я думаю, нам нужны не правозащитники, а конфликтологи — люди, которые по долгу сердца и профессионально разбирают конфликты разного рода, возникающие между людьми, в том числе между обычными людьми и представителями государственных учреждений.

Нельзя заходя, не разобравшись толком в ситуации становиться на сторону только одной стороны конфликта. Само слово «правозащитник» льет воду на мельницу этой односторонности.

Дополнение.

Недавно я получил поддержку этому своему мнению (о деятельности правозащитников) с неожиданной стороны. Журналистка Юлия Латынина, к которой я отнюдь не испытываю особых симпатий, почти в тех же выражениях критиковала правозащитников (Радио "Свобода", 22 марта 2009 г., программа "Мифы и репутация"). Она отметила, что и наши, и западные правозащитники, говоря о правах человека, забывают о его ответственности:

"Иван Толстой: Почему вы так стойко и последовательно не любите российских правозащитников?

Юлия Латынина: Нет, кстати, во-первых, не только российских. Я вот смотрела, как в Вене убили Умара Исраилова, бывшего охранника Кадырова и боевика, который подал на него в Европейский суд. А в суд за него подала такая организация, которая называется ЕССНА. Я пришла на ее сайт и обомлела, потому что увидела, что эти милые ребята требуют выдачи не только Кадырова, но и, например, Роберта Гейтса (министра обороны США — Л.Б.). А за что? Он тоже что-то нехорошее совершил в Ираке. И я подумала, в чем сходство между Кадыровым и Гейтсом? В том, что организация ЕССНА требует выдачи их обоих. А в чем разница? В том, что свидетелей против господина Гейтса не убивают в Вене. Так что **правозащитники очень милые люди, но у них какой-то песок в головах** (выделено мной — Л.Б.) и насчет Хамаса, и насчет Гуантанамо, и насчет кучи других вещей. То есть, это люди, к которым можно прийти и сказать, что нас обидели. **И они будут тебя защи-**

щать, не спрашивая, чего обидели, почему обидели (выделено мной — Л.Б.).

В общем-то, если говорить так глобально, то, на мой взгляд, понятие защита прав человека — замечательное понятие, но оно родилось в момент тоталитарных режимов, а точно так же, как замечательное понятие «дворянская честь» родилось в строго определенную эпоху, и оно родилось как орудие, направленное против тоталитарных режимов, потому что больше ничем эти режимы нельзя было пронять. Потому что они (представители тоталитарных режимов — Л.Б.) говорили: да, замечательно, что мы рубим головы, а что вы имеете против?

Но в тот момент, когда тоталитарные режимы окончились, то оказалось, что понятие прав человека в значительной степени противоположно понятию справедливости, потому что справедливость и закон — это когда вор сидит в тюрьме, а понятие права человека заключается в том, что когда человек сидит в тюрьме, он — бедненький и ему надо помогать. А за что он туда сел, почему он туда сел? И, кстати, на Кавказе это страшно развращает людей, потому что целая куча народу прибегает, если с ними что-то случилось и кричит: нас обидели проклятые менты.

Недавно мне звонит человек и говорит: «У меня сына проклятые менты посадили за убийство, за соучастие в убийстве главы района». Как он кроет эту власть, как он кроет этих проклятых ментов, которые подбрасывают улики, как он рассказывает, что Аллах во всем разберется и что истина выйдет наружу. И все он так замечательно говорит, и только я чувствую, что меня совсем за лоха держат, потому что я совершенно точно знаю, что этот человек на муслияте, примирении, когда он пытался примириться с родом убитого, говорит: но мой сын же никого не убивал, он состоял во второй группе киллеров, которая стояла внизу и должна была перехватить этого главу района, если его не убьет первая группа киллеров. А какие он хорошие слова про права человека загибает. И если бы знали, сколько дерьма в разных уголовных делах. Вот в том же деле Политковской есть эпизод не связанный. Один чеченец по фамилии Налов и русская его жена Надежда Коровкина говорит в своих показаниях, что какие-то вооруженные омонцовцы влетели в мой дом, что-то делали, не пойму чего. Налов говорит: ой, я ехал в машине со своим другом Алексеем Мастобаевым, подлетели омонцовцы, приложили меня головой о капот. Алексей Мастобаев — это заложник, которого они держали у себя дома четыре месяца. Его папочка занимался бизнесом, папочке задолжали, и папочка Мастобаев не нашел ничего лучше, чем нанять чеченца разобраться с должниками. Чеченец подумал: зачем разбираться с должниками, если тут

богатый есть бизнесмен. Поэтому у бизнесмена, вместо того, чтобы разбираться с должниками, украли сына, четыре месяца держали на цепи, говорили, что ушиотрежем, тоотрежем... Эта же самая русская девочка Надежда звонила с требованием выкупа. Вы думаете, они говорят, что они требовали выкуп? Вы думаете, что они говорят, что они его собирались убить? Они говорят: да нас под дулом автомата заставили держать у себя дома на цепи. Да, да, мы звонили, требовали выкуп, но исключительно из сострадания к этому бедному хорошему человеку, а мы себе ничего не хотели. Вот не было на них присяжных в деле Политковской, посадили этих орлов.

Иван Толстой: Хорошо, это такие частности, а в целом правозащитная деятельность, она какую все-таки несимпатию с вашей стороны вызывает, как-то вы не любите эту категорию людей.

Юлия Латынина: Я не люблю не только правозащитников, но и правоохранителей, потому что у нас правоохранители не совсем правоохранители, а правозащитники — не совсем правозащитники, в том смысле, что меня просто очень обижает, когда людей, причем хороших людей, тот же Лев Пономарев, блаженный человек, но к нему каждый идиот подойдет и скажет, что он пострадал от советской власти, и Пономарев его будет защищать, не вдаваясь в подробности, за что он пострадал, кому он отрубил голову, кого он посадил на кол. С Людмилой Алексеевой (правозащитницей — Л.Б.) таких вещей почти никогда не случается, она обладает удивительно точным слухом нравственным, она понимает, кто прав, кто не прав.

Но у нее был один прокол очень смешной. Прибежал к нам в «Новую газету» человек по имени Николай Пайзулаев: «Я — поэт, я — правозащитник, я знаю, что Кадыров убил Политковскую — в моем присутствии заказывал». Этот Николай Пайзулаев был какой-то шестеркой у Кадырова, причем он, видимо, психически просто неуравновешенный человек. А потом между Кадыровым и Ямадаевым началась вражда, и Ямадаев подарил господину Пайзулаеву костюм. После этого костюма господин Пайзулаев прибежал к нам и сказал, что он знает, что Кадыров заказал Политковскую. Еще господин Пайзулаев сказал, что Кадыров похитил его, похитил его жену, похитил его детей. И просил политического убежища на Украине. Значит, господин Пайзулаев дает пресс-конференцию на эту тему, в разгар пресс-конференции входят его жена и дети, которых никто не похищал, а они от него убежали, поскольку он их бил смертным боем. Тем не менее, добросердечная Людмила Михайловна все-таки выбила этому орлу политическое убежище на Украине. Что вы думаете? Этот орел там пожил, он чеченец, ему скучно, ему одиноко, он возвращается в Чечню и подает в суд уже на Люд-

милу Алексееву, потому что это, видите ли, она его, наверное, держала в каменном подвале и заставляла его оговорить Рамзана Ахмадовича. Это исключительный случай, с Людмилой Михайловой такого не случалось. Но это случай, который доказывает, что к шизофреникам не надо проявлять жалость". — Радио "Свобода", 22.03.2009-16.00

8. Скрытый имморализм в разговорах о правах человека

В связи с критикой чисто юридического понимания свободы я обнаружил, что темой прав человека можно маскировать имморализм и даже пренебрежение моралью. На первый взгляд кажется, что может быть благороднее выступать за права человека, в защиту прав человека?! Взглянем, однако, на дело с другой стороны. Формула прав человека фигурирует в рамках той или иной правовой системы, законодательства, судебной системы. Что же получается: соблюдай права человека (читай: не нарушай законодательство в части соблюдения прав человека или совершенствуй это законодательство) и ты белый-пушистый?! В этом случае само собой отпадают разговоры на моральные темы (о совести, чести, честности, порядочности), о том, что мораль имеет собственные механизмы регуляции отношений между людьми, не покрываемые правовой системой.

И получается, что тема прав человека, если она используется как единственный или главный аргумент, фактически камуфлирует аморализм. Нет, я ни в коем случае не выступаю против юридического признания, оформления, защиты прав человека. Я просто хочу сказать: темой прав человека нельзя заменять вопросы морального, этического порядка, моральной, нравственной культуры, воспитания, развития.

9. О так называемом «праве на смерть»

В последнее время часто можно слышать выражение "право на смерть". Один из философов прямо сказал: «дайте мне право умереть».

С моей точки зрения «право на смерть» — нелепое выражение, как круглый квадрат. Жизнь тем и отличается от смерти, что она может прерваться в любой момент не по воле и желанию человека. Смерть же наступит рано или поздно в любом случае, хочет этого человек или нет. Право на что-то

— это положительное понятие, означающее ту или иную форму **свободы**. «Право на смерть» такое же нелепое понятие, как и право на убийство, на насилие, право на преступление, право на аморальный поступок. Есть такие возможности или такие желания, которые выходят или находятся за пределами прав человека, за пределами его свободы. Права человека ничего не значат без обязанностей. Ведь любое право одного человека не должно вступать в конфликт с правами другого человека. Право матери — желать своему ребенку жить, жить и жить. Она дала ему жизнь и, естественно, желает чтобы он в полной мере воспользовался этим даром жизни. Поэтому, долг подросткового ребенка, сознающего свою ответственность перед матерью, — жить и делать всё для того, чтобы не допустить своей преждевременной кончины. А уж о праве на смерть он и помыслить не должен, если, конечно, он хороший сын или хорошая дочь. Да, бывают случаи, когда человек жертвует своей жизнью, например, на войне. Однако, эти случаи — исключения, которые лишь подтверждают правило. Жертвы могут быть оправданы, если они ради жизни на Земле. В фильме «Чапаев» есть один характерный диалог мальчика с военным поваром: «Дядь, а дядь, за что люди на смерть идут? — За что?.. гм, ясно за что, за ж-и-з-н-ь, каждому хорошей жизни хочется». Если люди идут на смерть, то не потому, что они решили воспользоваться своим «правом на смерть». Просто к этому их вынуждают обстоятельства, внутренние (например, невыносимые страдания) или внешние (например, участие в военных действиях).

Вообще «право на смерть» — лукавое выражение. Что имеется в виду под смертью? Своя или чужая смерть? Если своя, то это право нужно именовать правом на самоубийство. Если чужая, то это право нужно именовать правом на убийство. Ясно, что никакого права на убийство у человека нет. Следовательно, о праве на смерть как общем праве, объединяющем и право на самоубийство, и право на убийство, говорить нельзя. То есть «право на смерть» — настолько неопределенное выражение, что оно может быть истолковано и как право на убийство и вообще как право на уничтожение жизни как таковой. Остается первое значение: право на самоубийство. Именно его обычно имеют в виду, когда говорят о праве

на смерть. В последнее время такое «право» нередко связывают с понятием и феноменом эвтаназии, а это уже нечто иное. В моральном и гуманистическом смысле права на смерть нет и быть не может. В тех немногих случаях, когда человек жертвует своей жизнью во имя жизни других или когда он смертельно болен и из-за невероятных страданий хочет уйти из жизни, речь на самом деле идет не об осуществлении права на самоубийство, а о вынужденном шаге, т. е. чем-то прямо противоположном осуществлению права. **То или иное право человека — это возможность поступать определенным образом, допускаемая принятыми в данном обществе (или общепринятыми) нормами морали и права.** Разве мораль и право разрешают самоубийство и убийство? Нет. Человек, конечно, может покончить жизнь самоубийством или убить кого-нибудь. Да, он имеет такую возможность. Но он не имеет права это делать. То есть мораль и право как таковые не разрешают человеку осуществлять такую возможность, осуждают стремление осуществить самоубийство или убийство. Могут спросить, а как быть со смертной казнью? Ведь получается, некоторые люди (судьи и палачи) имеют право кого-то убивать. Да, такое «право» есть, но это не вообще право на убийство, а весьма ограниченное «право» (регулируемое законом) принимать решение о смертной казни и исполнять это решение. Кстати, правильнее говорить не о праве некоторых людей на смертную казнь, а о печальной, тяжелой обязанности этих людей (судей и палачей) принимать решение о смертной казни конкретного человека и исполнять это решение. В современном обществе и эта весьма ограниченная возможность лишать жизни кого-то по приговору суда всё больше исключается из правовой практики государств. В передовых странах мира, как мы знаем, смертная казнь отменена. Это значит, что современные мораль и право выступают против допущения убийства по приговору суда, т. е. против права на убийство.

Если проанализировать выражение «право на смерть» с точки зрения логики, то можно сказать, что те, кто употребляют это выражение как безотносительное (к себе, к другим), совершают логическую ошибку подмены понятий. Понятие убийства подменяется понятием смерти. А это принципиально разные понятия. Когда говорят о праве на что-то, то имеют в

виду право делать что-то. Смерть — это не делание чего-то (по желанию, хотению), а результат каких-то объективных процессов (смертельной болезни, аварии, катастрофы, несчастного случая и т. п.) или действий человека, когда он пытается лишить себя жизни (самоубийство) или жизни других (убийство). Если уж рассуждать на тему о праве лишать кого-то жизни, то нужно говорить не о праве на смерть, а о праве на убийство (в частном случае, на самоубийство), т. е. о праве совершать действия, ведущие к смерти. Говорящие о праве на смерть вольно или невольно камуфлируют свое желание иметь право на убийство (самоубийство). Употребляя выражение «право на смерть» вместо более правильного, точного выражения «право на убийство (самоубийство)», они как бы делают более нейтральным, облагороженным и, соответственно, более приемлемым это право на убийство (самоубийство). «Право на смерть» — звучит красиво, патетично. А вот выражения «право на убийство» и «право на самоубийство» практически не употребляют, поскольку обнажают аморальную, бесчеловечную суть этих «прав». Вот и получается, что говорящие о «праве на смерть» обманывают себя и/или обманывают других.

Вспомним, что те, кто убивает (по приговору суда или по личным мотивам), стараются избегать слова «убийство». Говорят о смертной казни, о высшей мере наказания (в случае приговора) или о ликвидации, мокром деле, употребляют также выражения «убрать», «прикончить», «замочить» и т. п. О чем это говорит? Это говорит о том, что глубинная человеческая мораль осуждает любое покушение на жизнь, но поскольку в отдельных случаях такое покушение на жизнь имеет место (со стороны государственных органов или по личным мотивам), то пытаются успокоить свою совесть или не тревожить ее откровенным словом «убийство», а выбирают более нейтральные, менее эмоционально окрашенные слова.

10. Свобода без всяких «но»? Дискуссия в романе В. Я. Шишкова «Узрюм-река»

- А кто же не дурак, позвольте вас спросить?
- Орел.
- Орел? А какая же от орла польза?

– Да черт с ней, с пользой-то, – сказал Прохор, сияя от рябиновки и от прилива сил. – Орел в облаках. Орел все видит. Куда хочет – летит, что хочет – делает. Орел – свобода!

– Ого!

– Захочет орел жрать, камнем вниз – и из вашей дуры белки кишки вывалятся. Захочет – муравьиною кучу крылом сметет. Орел – сила.

– Ого! Да вы, я вижу, индивидуалист.

– Я? Я просто – Прохор Громов.

* * *

Шапошников лежал враспяжку на койке, повиливал носком сапога и по привычке поплеывал всухую.

– А вы все лежите?

– Да, лежу, – не вдруг ответил Шапошников. – Лежу и буду лежать, потому что нет свободы... Свободы духа нет...

Прохор презрительно улыбнулся, набил махоркой трубку Шапошникова и закурил.

– Ну, а что такое свобода, по-вашему? – задумчиво спросил он, затянулся, закашлялся и бросил трубку.

– Свобода?... Это такое состояние человека... – Шапошников почесал шею и, лениво свесив ноги с койки, сел. – Во-первых, я должен оговориться, что абсолютной свободы нет и не будет. Да, да, не будет. (...) – Или так: «Мне все дозволено, но ничто не должно обладать мною». Это слова апостола Павла. Теперь, что такое свобода вообще? – спрашиваете вы. Позвольте, позвольте! ... Политическая, например, свобода складывается из...

– Нет, вы не понимаете, что такое свобода, – встал Прохор, опять закурил трубку, опять закашлялся. – А по-моему, свобода в двух словах: сказано – сделано. Без всяких ваших уверток, без всяких «но»...

– Эге-ге-ге-е-е... Нет, батенька мой, – и Шапошников, руки назад, скользкой походкой зашмыгал по комнате. – Нет, батенька! Свобода не ветер: мчусь, куда хочу, раздуваю, что хочу: пожар – пожар... Я знаю, к чему вы клоните... Знаю, знаю, знаю... Но имейте в виду, что, реализуя свою волю, свое «я хочу», человек обязан все-таки производить это в атмосфере морали...

– А что такое мораль? – И Прохор двумя шагами пересек дорогу Шапошникову. Тот остановился, вскинул встрепанную голову и смотрел Прохору в болезненно гневное лицо. – Что такое мораль? – переспросил его Прохор. – Выдумали ее вот такие же, как вы, или она сама по себе, как воздух? Нет, Шапошников... У каждого человека своя свобода, у каждого человека своя мораль...

– Да! Но нормы, нормы... Минимум-то должен быть? !

– А подите вы со своим минимумом к свиньям!.. Дверь под нервным плечом его со скрипом распахнулась:

– Вы сами минимум... Кисель! – и крепко захлопнулась, сотрясая избу.

Шапошников быстро открыл окно и крикнул в сумрак:

– Позвольте, позвольте... Эй вы, как вас!.. Анфису Петровну обижать не смей! Знаю, знаю, знаю.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ

Обсуждение темы "Критика чисто юридического понимания свободы"

Один пользователь (marsel_izkazani) написал комментарий к моему тексту "Критика чисто юридического понимания свободы". Вот этот комментарий:

"Тезис о правовом государстве для меня не представляет таких сомнений, как для Вас. Государство должно действовать именно по юридическим писанным законам. Мораль же не писана, а потому сообразно только морали не могут действовать чиновники. От них не надо требовать моральности, но необходимо и достаточно, чтобы они исполняли законы, которые, кстати сказать, очень даже моральны: так, Конституция РФ выдвигает примат прав и свобод человека".

Мой ответ:

Вы пишете: законы очень даже моральны и ссылаетесь на Конституцию РФ. Ваше утверждение о большой моральности правовых законов весьма сомнительно. Да, в какой-то части они моральны, но далеко не все и не во всем. Во-первых, есть законы, которые люди вынуждены систематически нарушать (например, некоторые налоговые установления). Значит, эти законы не вполне моральны, в чем-то противоречат человеческой морали. Во-вторых, правовые законы в самой своей сути не могут обнять-учитывать все моральные регуляторы. Например, совесть. Это такой моральный регулятор, который **в принципе** невозможно втиснуть в рамки права.

А если Вы видите различие между правом и моралью лишь в том, что правовые законы писаны, а моральные неписаны — то это весьма односторонний и поверхностный взгляд на раз-

личие морали и права. Мораль не сводится к неписанным правилам и установлениям. Самый глубинный ее регулятор — совесть человеческая, которая никакими правилами и установлениями не измеряется и не определяется. Почитайте мою "Этику". Там подробно об этом сказано. У права совсем иные функции как регулятора поведения людей. Право опирается на силу государства. Государство же — это не всё общество и, тем более, не всё человеческое-людское.

Когда право ставится во главу угла в отношениях между людьми — тогда общество превращается в машину, в механическую систему, в систему внешних отношений между людьми. ПРАВО НЕ МОЖЕТ ЗАМЕНИТЬ МОРАЛЬ В ПРИНЦИПЕ, ДАЖЕ ЕСЛИ ОНО УЧИТЫВАЕТ НЕКОТОРЫЕ МОРАЛЬНЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ.

И еще. Вы пишете: "Мораль же не писана, а потому соответственно только морали не могут действовать чиновники". Тут передергивание. Я нигде не утверждал, что в отношениях между людьми достаточно одного регулятора, морали.

Далее, Вы сказали чудовищную вещь: от чиновников "не надо требовать моральности". Во-первых, что за язык: "требовать". К моральным отношениям это слово подходит только частично. Или Вы мораль понимаете как право? Скорее всего так. В этой фразе наиболее выпукло выступает Ваше пренебрежительное отношение к морали. Такое отношение называется имморализмом (политика вне морали, бизнес вне морали, искусство вне морали, наука вне морали). А имморализм — фиговый листок аморализма. Да как можно освобождать чиновника от морали?! Разве чиновник — не человек? Ведь любой человек так или иначе морален, имеет совесть, в частности. Это только в просторечии говорят порой: что тот или иной человек лишен совести, бессовестный. Людей бессовестных не бывает. Может быть большая или меньшая совесть у человека, но совершенно человек не бывает без совести (если он психически нормальный). Человек потому и человек, что он имеет совесть. Это в природе человека.

К сожалению, Вы высказали мнение, которое сейчас имеет хождение в некоторых кругах. Якобы правом можно заменить мораль, якобы оно целиком может поглотить мораль. Если по суду оправдан, значит ты чистый (так сказать, не пойман — не

вор). Такая постановка вопроса в самой своей основе неверна и пагубна.

О демократии в России

Алла Емелькова (ВКонтакте, 27.09.2009)

Тема: Я пойду на выборы. А Вы?

Лев! Обращаюсь к Вам потому, что Вы указали свои политические взгляды как либеральные.

В условиях жесткой политической цензуры в СМИ у нас не остается другого выбора, как обращаться друг к другу лично, и таким образом объединиться в сообщество.

11 октября выборы в Московскую Городскую Думу. Традиционно люди, имеющие либеральные взгляды, практически не ходят на выборы. Конечно, постоянные разговоры о том, что наш голос ничего не значит, привели к тому, что мы уже ни во что не верим. Выборы фальсифицируются, жизнь общества не становится лучше (как ожидалось) слова «демократ» и «либерал» стали разве что не ругательством. И тем не менее...

Правда ли, что выборы фальсифицируются? Да, правда! Но все-таки не на 100%! Люди, которые не ходят на выборы, фактически отдают свои голоса «Единой России». Почему? Потому что после голосования их данные вносятся в списки и бюллетени с заранее проставленными галочками просто опускаются в урну.

А что будет, если мы придем и проголосуем за другую партию? Легко ли будет сфальсифицировать выборы? Гораздо сложнее. Потому что нужно будет изъять наши бюллетени и положить новые, а при наличии наблюдателей это сделать тяжело. И есть еще одно препятствие, когда значительное количество людей голосует не за власть – это серьезный сигнал власти. Ну и не нужно лишний раз повторять, что оппозиция – единственный инструмент контроля за властью. Так давайте покажем, что мы можем сделать все вместе!

От нас требуется немного – проголосовать всем вместе за одну из партий. Эта партия – «ЯБЛОКО»!

Почему «ЯБЛОКО»? Потому что это единственная демократическая оппозиционная партия, существующая в нашей стране. 2 (!) депутата от этой партии, представленные в МГД,

сделали на порядок больше, чем 29 (!) депутатов от ЕР. Это серьезный показатель.

В Контакте людей с либеральными взглядами, проживающих в г.Москве – 172 тысячи человек. Если мы все придем на выборы и проголосуем за «ЯБЛОКО», уже этого будет достаточно, чтобы партия «ЯБЛОКО» прошла в МГД.

Приходите на выборы, голосуйте за партию «ЯБЛОКО», вместе мы победим!

P.S. В Контакте образована группа сторонников Партии «ЯБЛОКО», давайте вступим в нее, она называется «Почему на выборах 11 октября 2009 года я буду голосовать только за «ЯБЛОКО»?»

Ответ:

Уважаемая Алла! ...Слушал Митрохина и на 80 процентов согласен с ним в том, как обустроить жизнь в Москве. Однако, вступать в группу сторонников партии Яблоко не буду. Дело в том, что яблочники выступают порой с крайних, экстремистских позиций, критикуют нынешние порядки в России недопустимо резко. Вот и Вы начали свое письмо с фразы "В условиях жесткой политической цензуры в СМИ у нас не остается другого выбора, как обращаться друг к другу лично, и таким образом объединиться в сообщество". А что в США или в Германии нет жесткой политической цензуры?! Я доподлинно знаю, что там она не менее жесткая, чем у нас. Большинство людей в России не с Вами, потому что Вы занимаете по ряду вопросов крайние позиции. Да в эпоху политических перемен (как в 1991 г.) такие позиции пересекаются с мнением большинства. Однако, в период политической стабильности, которую мы сейчас наблюдаем, уничтожающая критика властей не находит поддержки у большинства людей, в том числе у меня.

И насчет либерализма. Да, есть открытые враги либерализма — антилибералы. Но есть враги либерализма, которые вроде бы за свободу, а на самом деле против свободы. Я их называю ультралибералами. Они по наивности (искренне) или по лицемерию (на публику) выступают за безразмерную свободу, т.е. никакой цензуры, никаких ограничений. Давай свободу и никакой ответственности — вот их реальный лозунг. Я не с ними. Свобода не безразмерная величина, она имеет свои границы, притом в разных обществах, в разных странах раз-

ные границы. В нашей стране путь к свободе долг (большая страна и большая инерционность). Некоторые не понимают этого и торопятся, торопыги. Таких торопыг я вижу много. Они реально вредят делу свободы. Нетерпение также опасно, как и медлительность. Более подробно о свободе я высказался в своей книге "Либерализм и свобода" (см. мой сайт (указан на главной странице ВКонтакте), раздел "Мои рукописи").

Я готов к дискуссии с Вами, со сторонниками партии Яблоко по вопросу о том, что такое свобода и как надо относиться к власти в нашей стране.

Мой совет Вам: исключите уничтожающую (экстремистскую) критику из своего обихода, научитесь критиковать порядки эффективно, но соблюдая правила приличия по отношению к власти имущим и люди потянутся к Вам.

29 сен 2009 в 20:00

От кого: Алла Емелькова

Отчасти Вы правы и я с вами согласен. Но это не совсем так. Есть критика, а есть пустой треп на протестных настроениях. Критика заключается не только в указании недостатков кого-либо, но и предложить альтернативный подход и решения вопросов. \"ЯБЛОКО\" критикует не впустую, они стараются созидать, предложить альтернативную точку зрения и подход указывая более правельный путь, или программу. Мое мнение, что нужно уважать и прислушиватся, и к другим. А не утверждать, что есть только 1 правельная линия, а все остальное происки конкурентов. Но к сожалению власть относится с нетерпение к любым словам которые расходятся с официальной позицией. \"ЯБЛОКО\" не однократно предостерегало, наше руководство от ошибок, иногда это удавалось иногда нет. Если верить фактам и анализировать програмные документы то во многом есть правельные подходы, выходы, из ситуаций которые у нас есть. Если Вам интересно могу привести несколько примеров: очень долго Сергей Митрохин говорил и доказывал что прифект Козлов взяточник и нарушает закон в интересах крупного бизнеса, чиновников, писал депутатские запросы в прокуратуру указывая на факты злоупотреблений, но на все это приходили отписки. Ему удалось довести эти факты до общества через свободные от цензуры СМИ (их осталось очень мало, кто рискнет показать дачу

прифекта в заповедной зоне в устье реки \"Сходня\") или его семейный клан который пользовался его служебными полномочиями организовывая свой бизнес. Но обществу удалость выразить свое возмущение в пикетах у префектуры, придать огласке эти факты и правительство уже не смогло это замолчать, вынужденно было отправить его в отставку, а прокуратура возбудить уголовное дело. Таких случаев очень много когда каждый из нас сталкивается один на один с бюрократической машиной, но у него почти нет возможностей выстоять против неё, нет не независимого суда в который можно обратиться и отстоять по закону свои права, почти нет свободы слова, чтоб заевить об этом,+ карумпированные милиция которая прикрывает чиновников. Это все системные проблемы они не берутся из не откуда, есть серьезные проблемы в нашем государстве, которые нужно решать. И \"ЯБЛОКО\" предлагает решение этих проблем и по своим силам пытается, что то сделать, да пусть не многое, но это честно и справедливо. Критика должна восприниматься естетсвенно, если она конструктивная, если Вам будет интересно, можете ознакомится с наше програмой на нашем сайте www.yabloko.ru там не только негатив, но и то что \"ЯБЛОКО\" удалось сделать.

С уважением.

30 сен 2009 в 0:01

От кого: Лев Балашов

Я согласен с Вами по многим пунктам, особенно насчет конструктивной критики. Согласен, есть серьезные проблемы в нашем государстве. Но... я нередко слышу от яблочников крайние мнения, которые не о серьезных проблемах в государстве говорят, а просто уничтожают нынешние порядки. А это терроризм, революция и т.п. Я, конечно, посмотрю Вашу программу, но всё же уймите своих в этом бескрайнем революционаризме.

Дополнение. Либералы всегда были постепеновцами и они были против крайних выводов (власть такая-сякая, ее надо сменить, то бишь в сущности уничтожить).

Алла Емелькова

Кому: Лев Балашов Тема: 1 мая — марш перемен

Лев! Из нашей переписки можно сделать вывод, что Вы согласны с тем, что стране нужны демократические реформы. 1 мая "Яблоко" организует "Марш Перемен" под лозунгом "Стране нужны настоящие перемены, не на словах а на деле". Сбор в 10:30 у Малого Театра. Если можете, приходите!

Вступайте в группу <http://vkontakte.ru/club17248994> и приглашайте туда ваших друзей вконтакте — для этого нужно сделать всего несколько кликов, но это будет огромной помощью для партии.

С удовольствием отвечу на Ваши вопросы.

Лев Балашов

Я написал в ответ:

Спасибо, Алла, за сообщение. Я очень хотел бы, чтобы "Яблоко" стало мощной организацией. И я согласен с Вами, что нужны демократические реформы, точнее, нужна дальнейшая демократизация нашего общества. Однако, мы с Вами несколько расходимся в оценке текущего состояния демократии в нашей стране. Вы считаете, что "Стране нужны настоящие перемены, не на словах а на деле". Я с этим лозунгом не согласен. Он, мягко говоря, слишком критичен к нынешним порядкам в стране. Это нетерпение в деле демократических преобразований и эта гиперкритика нынешнего состояния дел ничего хорошего не несет. Вспомните нетерпение народо-вольцев, убивших Александра Второго в 1881 году, и нетерпение большевиков в 1917 году. Торопить Россию нельзя. Мы не раз уже обжигались на этом. Россия — огромная страна и в ней процессы идут медленно. Инерционность слишком большая. Вашей партии нужно избавиться от элементов уничтожающей критики и перейти к относительному сотрудничеству-взаимодействию с официальными организациями.

Демократия — это не взаимное уничтожение противных сторон, а способность искать и идти на компромиссы, договариваться, взаимодействовать. Можно оставаться в оппозиции и при этом быть корректными по отношению к власти имущим. Я пока не вижу этой корректности у Вас. Своим лозунгом Вы морально уничтожаете нынешнюю власть. Она якобы за демократию только на словах, а не на деле. В этом я с Вами не согласен. Бросьте подобное обвинение человеку и он справедливо обидится.

Надо понимать: при всех своих недостатках нынешнее российское общество – самое свободное и демократичное в истории России. Россия поступательно движется к большей свободе и демократии.

Да, не так быстро, как хотелось бы. Но давайте не забывать: мы не одни такие нетерпеливые в России. В ней много людей, консервативно настроенных (по отношению к недавнему прошлому) и жаждущих стабильности. Лучшее управление тогда, когда педаль газа и педаль тормоза в общем и целом уравнивают друг друга. Без педали газа мы не будем двигаться, а тем более ускоряться. Без педали тормоза мы рискуем погибнуть.

С уважением, Л.Балашов

О фразе Чака Паланика "Лишь утратив все до конца, мы обретаем свободу"

Сергей Ермолаев (мой бывший студент):

Хотелось бы узнать Ваше мнение по поводу фразы Чака Паланика из популярной книги "Бойцовский клуб":

"Лишь утратив все до конца, мы обретаем свободу".

Насколько она кажется верной вам?

Очень уж она похожа на фразу китайского философа Лао-Цзы: "Обретишь легкость тогда, когда избавишься от привязанности к тому, что имеешь. Обретишь свободу движений тогда, когда утратишь связь с тем, кто тебя породил".

Сережа! Разочарую Вас. Фраза Паланика относится к ряду парадоксальных высказываний, которые в XX веке стали очень модными. Я же плохо отношусь к ним и написал даже книжку "Парадоксы и парадоксальное мышление" с подзаголовком "Нелепость и идиотизм парадоксального мышления". Она имеется на моем сайте в разделе "Рукописи..."

Фраза Паланика напоминает мне фразу "Свободен, наконец-то свободен!", сказанную об убитом Мартине Лютере Кинге, борце за права негров. Если она точно переведена на русский, то, с одной стороны, заурядна и, с другой, нелепа. Давно уже (вспомним хотя бы киников Древней Греции) некоторые люди полагали, что чем меньше мы имеем (вещей,

знаний, желаний), тем более свободны и счастливы. Здесь свобода отождествляется с независимостью. Ведь чем меньше вещей и желаний мы имеем, тем более независимы от них. С одной стороны, вроде бы логично. А, с другой, если бы свобода заключалась только в независимости, то тогда мы были бы наиболее свободными, будучи покойниками. Ведь покойники ничего не желают и не имеют. Да, независимость — важная характеристика свободы, но не единственная! Она умеряется другой, позитивной, характеристикой свободы, которая выражается в возможности выбора, в самостоятельности, в возможности следовать своим желаниям, в способности добиваться своих целей и т.п. В свободе существует определенная диалектика независимости и зависимости. Только независимость — пустота небытия, бомжатничество, смерть. Только зависимость — рабство. Вот из соединения этих полярно противоположных начал и возникает свобода.

Другие (восточные) высказывания также односторонни и поэтому ложны, как и первая¹. Эта направленность на понимание свободы как на отсутствие или разрыв связи с чем или кем-либо феноменально идиотична. Есть связь и связь. Есть связь, которая лишает нас свободы, а есть связь, которая только и делает нас свободными.

Сколько же, однако, глупых высказываний бродит по земле! А вы, молодые, ловитесь на их блеск, как мотыльки, летящие на огонь.

<http://otvet.mail.ru/question/76934991/?point=2>

Мира —

Свобода — это когда ты, ничем не связан с миром, в котором находишься?

Вопрос некорректный. Свобода, если говорить кратко, — это ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫБОРА, притом не всякого, а такого, который ведет к новой возможности выбора. Свобода — сложное переплетение зависимости и независимости, ограничений и выхода за пределы ограничений. Думать, что свобода

¹ Может быть не совсем точен перевод с китайского?! В относительном смысле высказывание Лао-цзы верно. Действительно, в некоторых случаях разрыв связи-зависимости означает свободу, большую свободу.

— это только независимость (от чего-либо) — глупость. Бывают такие зависимости, которые обеспечивают БОльшую свободу, т.е. БОльшую возможность выбора. Например, взаимозависимость мужа и жены. Вне этой взаимозависимости ты не можешь обеспечить полноценное продолжение рода, дление жизни во времени. Свобода, как и жизнь в целом, имеет свои рамки, ограничения, свою меру. Думать, что свобода — безразмерная величина, ничем не ограничивается, значит ничего не понимать в ней.

О конституции и свободе. Из комментариев в интернете

Российская Конституция (1993 г.) создавалась под патронажем США — и ее надо менять

Лев Балашов

Действительно, надо менять конституцию. В первую очередь надо исключить статью о приоритете международного права над национальным. Далее, изменить статью о свободе слова, исключив слова о запрете цензуры. Цензура по факту существует и она даже присутствует в Конституции в виде запретов-ограничений, связанных с разжиганием социальной, религиозной и национальной розни-вражды, и других запретов (по поводу наркотиков, педофилии, пропаганды гомосексуализма).. Цензура как вид ограничения чего-либо всегда существовала и будет существовать. Пора реабилитировать это понятие, дать ему разъяснение. Свободы не существует без ограничений, а в сфере распространения информации — без цензуры. Надо только определить границы цензуры.

Юрий Вересенко → Лев Балашов
Размечтался — "Совок"!

Лев Балашов → Юрий Вересенко

Ну да, совок, ха-ха! Почитайте, пожалуйста, словари, что означает цензура. Повторяю, она итак по факту существует. И во всех странах мира, в том числе в США. Раскройте глаза пошире. Жизнь не существует вне рамок. И свобода как фактор жизни не существует без границ и рамок. Это азбучная

истина для всех нормальных людей. Псевдолибералы навязывали нам неправильное представление о свободе как безразмерной величине. Это говорю Вам я, либерал! Почитайте мою книгу "Либерализм и свобода".

Юрий Вересенко → Лев Балашов

А рамки вы ставить будете? В рамках и заборах живут овцы, господин мнящий себя главным бараном! Ваши глаза пошире от "шаровылупина" меня не устраивают. Ваш тупой коммент можно считать аннотацией к вашей позиции. Книги с такой позицией я читать не хочу. Пустая трата времени.

Лев Балашов → Юрий Вересенко

А что Ваша кожа, отделяющая тело от окружающей среды, — не рамки? А что Ваш череп — не рамки? А что Ваше сердце — не определенной формы? Что Вы болтаете? Вы просто слепой! Всё в нашей жизни имеет рамки, границы. В том числе свобода. И Ваш аргумент со стадом овец — бьет мимо цели, — называется демагогией. Никто не хочет быть бараном, рабом, но это не значит, что надо отказываться от рамок-границ, от ответственности-обязательств. Боже мой, как же люди оболванены западной либерастической пропагандой?! Вы превратились в самого настоящего псевдолиберального зомби.

Юрий Вересенко → Лев Балашов

Формы и рамки не одно и то же! Ваши рамки насилуют естественность и подчиняют человека эфемерным ИСКУССТВЕННЫМ ограничениям. Кожа, череп, органы имеют естественную форму, а не искусственно назначенную вами. Ваши рамки убивают всё живое. Ваши рамки убивают всё живое, а естественные формы соответствуют жизни. Или выражайте ваши мысли более чёткими формулировками.

Лев Балашов → Юрий Вересенко

Откуда Вы взяли, что мои рамки насилуют естественность? Приписываете мне то, что я не говорил, а потом шельмуете. Известный прием демагога. Социальная жизнь со всеми своими перипетиями также естественна, как и биологическая жизнь организма.

Не надо хаять либерализм как таковой. Из комментариев в интернете

Не надо хаять либерализм как таковой. Есть нормальные либералы, а есть псевдолибералы, которых в народе метко прозвали либерастами. Либерализм западного типа — на самом деле неподлинный, ненастоящий. Он замешан на понимании свободы как безразмерной величины, как исключительно свободы индивида, индивидуальной свободы, как возможности поступать так, как хочется.

Либеральный — от слова "свободный". Кто выступает против свободы как таковой? Никто! А ведь это и есть позиция либерализма. Так что не надо путать либерализм как таковой с отдельными его адептами. Есть такие "друзья" свободы, от которых лучше держаться подальше. Иной друг хуже врага. Я вот везде открыто говорю, что придерживаюсь либеральных взглядов. Тем не менее, это не исключает моего патриотизма, моей поддержки действий российского руководства в вопросе о Крыме и Украине. Кстати, В.В.Путин — самый настоящий либерал, что бы о нем ни говорили. Есть разные типы либерализма. Путин придерживается либерализма с русским национальным акцентом. Либерализм Путина дружит и с консерватизмом, и с традиционализмом, и с государственнымничеством. Не надо думать, что либерализм может быть только либерастическим. Извращения везде есть, в том числе и в либеральном движении. Убежден, либерализму в современном обществе нет альтернативы.

Кстати, партия "Единая Россия" — либеральная!

19 апреля 2015 г., в 20:22

Bobb → Лев Балашов

а по мне и во времена СССР хорошо без либералов жилось...

Лев Балашов → Bobb

Вам — да, но Вы лишь один из десятков миллионов. Другим людям — не так хорошо жилось без либералов. Мне, например, в общем и целом хуже жилось: я как философ не мог осуществить свое право на свободу слова и свободу мысли. Я писал в стол и свои первые книги начал издавать лишь в 1996 году, когда мне стукнуло уже 52 года. Так что надо судить о хорошей или плохой жизни в стране не только по Ва-

шей или по моей жизни, а по совокупности, так сказать, выводя какую-то общую, интегральную оценку. Тут нужно быть специалистом (историком, социологом, философом...). Я, например, сужу о том или ином состоянии общества по тому, насколько общество свободно. Критерий прогресса с моей точки зрения: прогресс в деле свободы. Я считаю, что не было в истории России более свободного состояния общества, чем сейчас. По критерию свободы мы, русские, россияне, переживаем сейчас лучшее время в своей истории.

Bobb → Лев Балашов

Лев...? Ну... Вы же, надеюсь, понимаете, что Вы тоже лишь один из десятков миллионов и референдума по этому вопросу пока еще не было...?

И что же такое важное для человечества лично Вы так хотели опубликовать и Вам не давали этого сделать...? Может быть сформулируете основную мысль Вашей философии, которую Вам так и не дали опубликовать до 96-го года...?

И... сформулируйте уж этот самый, загадочный "критерий свободы"...

PS: извиняйте, коли что...

Лев Балашов → Bobb

Прогресс в деле свободы... Простой пример: свобода передвижения — люди поначалу двигались лишь с помощью своих ног, затем с помощью лошадей, затем с помощью паровозов, автомобилей, самолетов и, наконец, космических ракет в миллионы лошадиных сил. Мы всё более и более расширяем пределы своей свободы передвижения. И так в других формах свободы вплоть до политической, экономической свободы, свободы мысли и свободы информации. Свобода, кратко говоря, — возможность выбора. Прогресс в деле свободы означает расширение возможности выбора. Это хорошо видно на примере возможности

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Как видим, понятие свободы весьма сложно, многогранно; с одной стороны, чрезвычайно широко, а с другой, вполне конкретно. Соответственно и либерализм — весьма сложное, исторически развивающееся течение общественной мысли.

То, что имеют в виду под либерализмом его сторонники или противники порой весьма далеко от его действительного значения. Нужно постоянно сверять свой субъективный взгляд на либерализм с естественным понятием свободы и производить корректировку этого взгляда.

Безусловно, либерализм, однажды возникнув, развивается по мере того, как расширяются пределы социальной и иной свободы, как люди решают задачи прогресса в деле свободы.

Лев Евдокимович БАЛАШОВ
ЛИБЕРАЛИЗМ и СВОБОДА